

Воля и неволя У Хуана (Роман в повестях)

Повесть первая

1. Лу Туан, ставший У Хуаном

За долгие века соседства немало хуннских служилых родов переселилось в Китай. А многие китайцы сумели обосноваться среди хуннов. И у каждого из них была на то своя причина, своя история. Одни были пленены в бою и перешли затем на хуннскую службу. Другие уведены в полон и употреблены для сельскохозяйственных и прочих бытовых работ. Но были еще и третьи, какие по разным причинам сами добровольно переселились, попросту сбежали сюда, в чужие для них края. Сбегали, конечно, не от хорошей жизни, а скорее всего оказавшись там, на родине, в безвыходном положении. Да и мало ли какие ситуации заставляют человека покинуть родину.

Большинство пленных китайцев занималось выращиванием зерновых для снабжения армии, конского её поголовья, и совсем немногие из них разводили скот. И лишь некоторые служили в воинских подразделениях, в основном обеспечивая работу различных тыловых служб.

Почти все они были довольны новой жизнью, она и вправду была во многом вольготней прежней. И кто из них мог забыть, что в Китае в неурожайные годы ответственность, а значит и кара за неуплату налога была неотвратимой? Неуплата оборачивалась или тяжкими принудительными работами, или даже рабством. А у хуннов к этой не зависящей от человека ситуации относились с пониманием, и в виде налогов сдавались только высчитанные излишки, поэтому ничего прятать от властей просто не имело смысла. И продать эти излишки трудно было, спросом пользовалось только иноземное, привозимое издалека.

Китаец Лу Туан попал в хуннский плен семнадцать лет назад. А по китайским законам каждый сдавшийся в плен врагу считается изменившим императору. Преступление было тяжким еще и потому, что Лу занимал достаточно высокую должность заместителя командира отряда в семь тысяч человек, и для спасения семьи от преследований ему пришлось исчезнуть насовсем, как бы умереть... а что ещё сделаешь? Но и тут не обошлось без некоторой насмешки судьбы. В Китае крупным вельможам после смерти давали новое имя, это ожидало и его тоже. И в то же время живого Лу Туана у хуннов стали звать У Хуаном, и с новым именем он как бы заново родился. А ирония была в том, что в Китае его за схожую со степняками внешность обзывали иногда «Хунн Туаном»; и вот здесь «родился» теперь китаец Хуан... Так, может быть, впервые в истории беглый офицер сподобился и на чужбине судьбы знатных вельмож. Умерев для родины, он здесь обрел и вторую жизнь, и новое имя.

И это такая же давняя, как и печальная история.

Китайский гарнизон стоял тогда в небольшой крепости за горной речкой, обычно пересыхающей летом, хотя и своенравной в весенние половодье. Да и в сезон дождей она всегда опасно разливалась.

Хунны в направлении их крепости еще никогда не проявляли захватнической активности, поэтому служба в гарнизоне последние три года текла спокойно, даже скучновато.

Командующий крепостью Сю И – всю жизнь скитавшийся по гарнизонам разных провинций старый служака и многоопытный борец с хуннскими летучими отрядами – считал, что и в мирное время надо неустанно обучать войска. Опытные воины, доведенные до изнурения тяжелыми тренировочными нагрузками, лучше от муштры не становились и начальника своего всё больше недолюбливали, даже за глаза подтрунивали над его болезнями, а их у Сю И за долгую службу накопилось преизрядно. Он не только сильно хромал на левую ногу, некогда придавленную упавшей под ним лошадью, но год от года всё хуже видел и слышал. Однако командование, видимо, до последнего пытаюсь использовать его немалый опыт, всё еще не хотело давать ему отставку.

Ничего в тот день не предвещало беды. Она нагрянула так неожиданно, что никто не успел понять, откуда вдруг налетела хуннская конница, минуя все многочисленные дозоры. Значительная часть гарнизона, оказавшаяся не предупрежденной, была в это время за воротами крепости.

Застигнутые вражеским набегом врасплох, пешие войска, выведенные на обычные занятия при неполной амуниции и с лёгким вооружением, всё-таки смогли начать отбиваться от атакующих, грамотно заняв круговую оборону.

В крепости заметили явное превосходство хуннов и подали сигнал защищавшимся за воротами к отступлению. Когда же солдаты устремились к открытым воротам, затвор их, с утра поднятый мощным воротом вверх, при какой-то оплошности привратной стражи стал неожиданно для всех опускаться вниз, грозя отсечь тех, кто не успел пробежать под ним. Началась естественная в подобных случаях паника, а с ней и давка...

Хладнокровный Лу Туан успел подставить под тяжелые ворота свое копьё. Древко его оказалась из крепкой породы и лишь потрескивало предупреждающе, будто торопя бегущих, терпя до последнего, пока последние солдаты проскочат в крепость. И расщепилось под тяжестью окованного железом затвора - оставив снаружи держащего копьё Лу Туана... Свалило и храбреца, кисть левой руки его попала под затвор. Пришел он в себя только спустя два дня, в хуннском плену. Тупая боль ломила его левую руку и всё тело. Лекари чем-то поили его, он снова и надолго впадал в забытие; и однажды, придя окончательно в себя, обнаружил, что у него целиком отсутствует левая кисть.

Тогда он понял, что хунны, отрубив и оставив под затвором изувеченную кисть, спасли его от неминуемой смерти. В иных обстоятельствах в суматохе боя его бы просто не заметили, оставив умирать среди других тел. Но хунны, видевшие всё своими глазами, оценили его мужество и отнеслись к нему, как к герою.

Обычно они с военнопленными особо не возились, а просто отпускали назад, ибо считали их бесполезными, порченными, ни на что не годными людьми, что во многом было и справедливо. Отпущенные на волю, эти люди часто возвращались назад к хуннам, потому что на родине факт пленения даже рядового солдата, а уж тем более командира, приводил к суду и неминуемому суровому наказанию.

Получилось так, что хунны вместе с кистью ампутировали Лу Туану и всю его прошлую жизнь, ибо без левой руки в Китае никак нельзя быть полноценным человеком: каждому не объяснишь, что ты не вор, которому назначили достойное его проступку наказание, а ветеран и герой войны. Там, в Китае, главное – ничем не выделяться в толпе, не отличаться от других и тем более – не попасть под малейшее даже подозрение. Оказаться осужденным лично – это ещё полбеды; но самое страшное то, что и вся семья, все близкие родственники тоже понесут тяжёлую кару. В его случае получается, что лучше самому погибнуть, сгинуть без вести, чем испортить судьбу детям и всему своему роду.

Хунны с первых дней окружили Лу Туана неподдельной заботой. Как герой, он сразу стал у них уважаемым человеком. Даже можно сказать – доверенным, сам сёгун – главнокомандующий хуннской армией – предложил ему стать своим помощником и советником.

Взвесив все «за» и «против», Лу Туан принял предложение с одним условием: никогда не участвовать в военных кампаниях против китайцев и сохранять тайну его имени, чтобы ни один лазутчик не доложил о нем в Китай.

Пленнику Лу Туану в тот год исполнилось 40 лет.

Он был из рода потомственных сельских чиновников низшего звена, с каждым новым поколением продолжавших мечтать когда-нибудь выбиться в средний чиновничий класс. На что старый дед по отцовской, а в этом случае и по китайской линии, умудренный разными перипетиями чиновничьей жизни, усмехался:

– Мечтать-то можно и, наверное, надо, но и тут следует меру знать. Если бы эта мечта сбылась при мне или при моем отце, то, вполне возможно, вы бы сейчас месили глину для очередного участка крепостной стены... ну, из-за какого-нибудь проступка, опасное это дело – карьера. Мало кто это понимает. А самое надежное, пусть и не такое выгодное – низшее звено. За это спокойствие и надо держаться.

Лу Туан пошел проторенной дорожкой. Долго учился и сдавал экзамены, а в результате – по китайским понятиям – рано получил первый чин и самостоятельную должность учетчика урожая, с урожая и начислялась для каждой семьи налоговая доля государства.

Должность молодого Лу Туана считалась для селян почти основным источником извечных бед и несчастий, потому как в первую очередь из-за невыплаты налогов сыпались на семью все мыслимые и немыслимые беды: детей забирали в армию или на принудительные работы, а в крайних, самых тяжелых случаях, вся семья могла попасть в рабство.

Во всяком деле имеются свои и зависящие от человека, и ему неподвластные ситуации, на которые учетчик, не забывая о своей задаче, может смотреть по своему усмотрению. При желании контролера можно малость занизить, то есть скостить цифру налога и этим порой отодвинуть для проверяемой семьи грозящие невзгоды. И Лу Туан из жалости и по природной своей незлобивости довольно часто стал помогать людям. Избежавшие беды, что и говорить, были невероятно благодарны молодому чиновнику. Но, как всегда, нашлись и недоброжелатели, которые донесли о сердобольном чиновнике.

Хорошо, что теперь беда обрушилась только на него одного. Ему пришлось оставить жену с двумя детишками и отправиться служить в армию на пять присужденных ему лет. А это не самое худшее наказание случилось благодаря его хуннской крови по материнской линии. Всем известно, что мужчины именно этих родов лучше всего подходят для военной службы.

Вся семья восприняла его новое «служение» как великое горе и провожала его в армию так, будто прощаются навсегда. Может, поэтому он и сам вдруг почувствовал, что происходит с ним нечто необратимое, невозвратное.

Так и произошло. На третий год вроде бы благополучной, с быстрыми повышениями службы и случилась настоящая беда – потеря руки и пленение.

2. Разумное решение

Как ни странно, новая жизнь оказалась несравнимо вольнее прежней. О такой свободе на родине он не смел и помышлять.

У хуннов каждый, получивший задание, мог исполнить его по-своему разумению. Не было, как в Китае, никаких чётких, закрепленных и утвержденных свыше инструкций, регламентирующих любое действие по малейшему поводу. В первое время Лу Туан, принявший здесь новое имя У Хуан, получив очередное задание, выспрашивал у

начальства, пытался уточнить, как ему лучше поступить. Задачи-то часто повторялись, а вот жизненные ситуации постоянно изменялись.

И сегун Турар недоуменно смотрел на него:

– Как поступить? А ты сам должен решить, по обстоятельствам. Зачем же согласовывать каждую незначительную мелочь?

– Но без точных инструкций каждый станет делать по-своему усмотрению, и тогда настанет хаос...

– Если каждый поступит разумно, то ничего страшного случиться не может.

– Разумно – это как? – не понимал У Хуан. – Ведь каждый дурак считает, что он самый разумный... Разве не так?

– Так-то оно так... Но за каждым человеком стоит его род, знающий, что разумно. А мнение своего рода всякий знает, вот и поступает согласно ему.

– Ну, не знаю... Не знаю... – У Хуан озабоченно чесал затылок. Что ни говори, а всё-таки рискованна эта хуннская ставка на доверие человеку, в надежде на его разумное решение.

В Китае, конечно, тоже есть понимание разумного подхода в меняющемся мире, но чиновники всё же предпочитают максимально точно определять границы этой всегда сомнительной «разумности», чётко расписать всё в разного рода распоряжениях, ибо не могут доверять субъективному началу человека. Это самое «начало» во всяком деле из многих вариантов исполнения выбирает себе наилегчайший, как правило, но не самый лучший, да ещё и не забывая при этом извлекать выгоду для себя любимого. Разве нет?

– Да нет... Выгода выгодой, но дело в том, что здесь человек всегда на виду. Каждый хунн, повторю, принадлежит к определенному роду, все его родственники известны, и каждое его действие так или иначе расценивается как действие всего рода. Поэтому у нас каждый старается изо всех сил, чтобы выглядеть в глазах других лучше. Всегда помня, что ни одно его действие не должно бросить тень на род. А у вас, китайцев, народу много, и всегда есть возможность затеряться или хотя бы просто не быть на виду. Именно там, где людей много, дурное действие или поведение человека может остаться незамеченным. А у нас это исключено.

– Да, похоже, что это так, – согласился, тихо вздохнул У Хуан.

– У вас, в Китае, больше обращают внимание на личные качества, а у нас у всякого нового человека сперва выясняют, из какого он рода, кто его родные, и только затем, чуть ли не в последнюю очередь интересуются нравом его, характером, – раздумчиво говорил Турар. – Всё-таки главные человеческие качества исходят из особенностей его рода. Люди одного семейного клана почти всегда похожи по темпераменту, поведению, повадкам и привычкам, устоям...

По самому складу ума своего У Хуан всегда был склонен к размышлениям, к попыткам разложить всё, как говорится, по полочкам, на свои места. И оказавшись в совершенно иной человеческой среде, на новом месте жизни своей, он не мог не задуматься над различиями между народами.

Еще в детстве он любил бывать на базаре, где собиралось множество людей, приехавших порой издалека, из неведомых краёв и стран. Каждый из них выглядел по-особенному, говорил на своем языке, имел и одежду, и манеры, совершенно непохожие на таковые у других племён... и зачем, для чего такое разнообразие создано? Ведь лучше и проще было бы, наверное, сделать всех одним народом с одним же, единым языком, и тогда людям куда легче было бы договариваться друг с другом – без дурного межнационального соперничества и вражды, без войн...

Он замечал, что и среди хуннов сначала все вокруг казались ему на одно лицо. И только спустя время, приглядевшись, начинал понимать, что схожесть эта их общая – она мнимая, грубая, разве что для беглого взгляда; а на самом деле у каждого есть свои выразительные отличия, и чем дольше всматриваешься, тем больше их видишь...

На рынке же люди в основном не знали чужих языков, но, тем не менее, удивительным образом находили способы понимать друг друга, выражая жестами ли, мимикой свое недовольство или, наоборот, удовлетворение, и вполне умело торговались.

И ему в который раз становилось ясно, что общего в людях намного больше, чем различий.

Удивительно было и то, что у всех народов главные ценности жизни заключались почти в одном и том же: везде одинаково ценились честность, верность, доброта. И нигде явно не поощрялось убийство, разбой, грабеж или обман.

Но при этом, конечно, различились понятия и, главное, степени преступления или добродетели. Так, явные преступления у одних народов в глазах других считались лишь простительным, допустимым баловством или даже проявлением некой удали. А послабление и доброта, вроде допущенных самим У Хуаном в прошлой жизни, наказывались беспощадно у народов иных.

Например, в Китае, если у начальника склада выявлялась недостача, то за это сразу отдавали под суд. А у хуннов это считается не то что безобидным, но весьма нежелательным упущением, и только. Мол, что поделаешь – слаб человек, разбазарил имущество по невнимательности или не устоял перед просителями, уступил по доброте душевной. Его, конечно, укоряли всячески, ругали; и лишь при крупной недостаче, бывало, отстраняли от должности.

У хуннов вообще были своеобразные, если не сказать – странные взгляды на многие вещи. Воровство для них – дело вообще немыслимое, позорное, из ряда вон выходящее, совершаемое только психически больными людьми, из которых самых безнадежных даже казнили. Но в то же время участие в грабеже соседних племён и народов почиталось за доблесть. Всё, что привезёт с собой воин, считалось законной и даже весьма похвальной добычей. Чрезвычайно щепетильная к любому чужому, соседскому имуществу строгая хуннская мать гордилась привезенным сыном из похода украшением, явно сорванным с чужой шеи. Откуда, с каких времён это пошло в народе – теперь уж и не скажешь...

3. Преддверие весны и мысли о прошлой жизни

После наступления нового года холода постепенно начали спадать. Сразу почувствовалось, что день ото дня зима начала слабеть, отступать. Дни удлинились, всё вокруг жило ожиданием всегда новых весенних хлопот. А признаки перемен, новизны с каждым утром проявлялись все больше и больше.

У Хуан любил это время, когда подведены итоги прошлого года и можно не спеша строить планы на будущее.

Но исполнить их можно куда уверенней и полнее, если всё заранее тщательно продумано, да ещё как-то надо совместить их со служебными делами. А человек он далеко не свободный, даже можно сказать – подневольный, состоящий на ратной службе: куда прикажут, туда и поскачешь. Но и в службе этой всегда можно найти небольшую лазейку для осуществления каких-то своих, именно личных планов. Тем более, что он не ощущает особой своей подневольности, обязанности армейские его совсем не тяготят. Фактически живет он как все хунны, ничем не хуже и не лучше их. Но в этой с ними общности есть одно существенное отличие от прежней жизни: живёт он вольно, как говорится – по своей душе..

По-разному можно понимать свободу. И у всякого человека она принимает в жизни своё обличие.

Но главная и в чём-то крамольная для него поначалу мысль: он здесь, в хуннском плену, намного, а если честно - несравнимо более свободен, чем на родине...

Подумав когда-то так в первый раз, он даже вздрогнул от неожиданности. В болезни своей, в выздоровлении долгом потом, оказывается, он совсем не думал об этом, надо было просто обвыкнуться, втянуться в новую жизнь, определиться в ней со своим положением то ли ещё пленного, то ли уже принятого в чужую военную службу. Да, еще не додумался до таких сопоставлений, что вся его прошлая жизнь, оставшаяся «там», – абсолютно несравнима с «этой»... лучше она или хуже? Да и такое сравнение почему-то изначально казалось ему в чём-то кощунственным.

Он же с раннего детства был воспитан в истинно китайском духе, а именно: всё китайское – это неоспоримый предел совершенства, верх разумного и истинно нравственного, а всё остальное, что за его границами, намного ниже по естеству и разуму, по устройению и низким нравам, несовершенное и варварское.

Да, Китай – это середина, сердцевина мира, пуп земли, а потому и самая высшая форма государственного и человеческого бытия, выше которого вообще немыслимо что-либо вообразить... Так думал и считал каждый мало-мальски образованный китаец. Это ими воспринималось как такая очевидность, ставить которую под сомнение было просто абсурдно.

И вот У Хуан, а вернее бывший Лу Туан, наконец-то посмел сравнить два этих совершенно несравнимых мира, признавая - пусть даже только мысленно – некое если не равенство, то сопоставимость их, саму возможность судить об их плохих или хороших свойствах и качествах в сравнении... чего? Древнего и мудрейшего государственного устройства – и полукочевой варварской орды?! Это была не только неслыханная дерзость, а куда более существенная провинность.

Во-первых, это же поругание «святого величия», самое что ни есть кощунство.

А во-вторых, что с ним самим, бывшим пленником, а теперь советником сёгуна, командующего хуннской армии, происходит? Да, в нём идут какие-то внутренние, неуследимые для дневного, трезвого осознания перемены, непонятные ему самому и только-только начавшие проявляться в его отношении ко всему вокруг, к самому бытованию окружающей хуннской среды, самой жизни в ней. И что это за изменения, обратимые или необратимые? Похоже, что уже необратимые...

И что, в конце концов, это могло значить?

Потому что истинный китаец, то есть каждый родившийся и получивший образование в Китае, а именно таким он себя и считал всегда, никогда не допустит хотя бы даже предполагаемого сравнения китайской культуры с какой-либо другой. С младых ногтей было всем известно, что даже помыслить об этом сопоставлении чего-то инородного, а потому варварского, с китайским значило поставить себя вообще вне культуры, попросту уронить себя, потерять лицо, самовольно записаться в дикари. «Китайское» не могло и помыслиться иначе, как с большой буквы.

Раздумывая мучительно о том, он стал понимать, что перемена в нём могла говорить не о том, чтобы поменять сами ценности, а об ином несколько взгляде на них. Ценности эти давным-давно, возможно не одно тысячелетие назад, были утверждены для многих поколений высокообразованными учеными сословиями, устанавливая соотношение и соответствие со всем остальным миром.

И понял: проблема-то всех перемен заключалась в нём самом.

Всё оставалось неизменным: не мир переменялся, не ценности мира сместились. А всего-навсего изменился сам Лу Туан или, скорее, У Хуан, как его теперь именовали, и он-то и есть причина перемен. У Хуан – причина всего. Истинный китаец Лу Туан никогда бы не додумался до такого.

Всё это случилось не вдруг, не разом, а совершалось где-то в подсознании - день за днём, год за годом и потому для него почти незаметно.

Хуннским языком и даже многими его наречиями: усунским, уеджи, огузским и другими он овладел быстро. Постепенно его стали принимать за своего и искренне удивлялись, когда узнавали, что У Хуан китаец по рождению. И как-то странно

прозвучало сказанное о нём кем-то из новых соратников: «был китайцем» - словно он с некоего мгновения каким-то волшебным способом переродился и перестал им быть... Да, с ощущения этого внутреннего «перерождения» и началось всё.

Как бы там ни было, но когда все, с кем он имел дело и жил одной жизнью, стали принимать его окончательно за своего, У Хуан почувствовал, что ему это даже приятно.

Настал второй месяц нового года по китайскому календарю.

У Хуан начал готовиться к своей ежегодной поездке на север, в горы, где размещались хуннские схроны – государственные закрома: запасы продуктов, одежды и всяких жизненно необходимых товаров. Пришло время провести очередной учет, проверить остатки, выяснить, что необходимо пополнить, заодно проконтролировать условия хранения.

Везде и во всём замечал он дыхание весны. И жить становилось веселее, и появлялось желание куда-то поехать, так что предстоящая проверка пришлась в самый раз. В это время У Хуану удавалось вдали от лишних глаз заняться по пути и своим нужным делом: собрать, обработать и засушить различные съедобные растения для приправ, заготовив их на целый год вперед.

С превеликим удовольствием и не спеша стал собираться он в дальний путь. Вещи аккуратно упаковывались в огромные кожаные мешки, не забывалась и тёплая одежда, без которой там, в горах, ему не обойтись, продумывалось всё до мелочи. Предстояла, стало быть, не только долгожданная, но и во всех отношениях приятная поездка, поэтому так нужна тщательность в сборах, дабы ничем не омрачить путешествие.

По опыту прежних лет он заранее представлял себе все этапы этой поездки, привалы её, ночёвки. Сама же ревизия, как его главная обязанность, в том числе итоговый доклад сегуну – дело знакомое, скучное и довольно простое. Для этого У Хуан уже подготовил чернила и солидный пучок тонких сглаженных бамбуковых пластин для ведения записей о видах и количестве товаров. Один пучок этих пластин с отчетами остается при складе, второй заберет себе У Хуан, а третий, который будет храниться при Генштабе, он передаст сегуну.

Он понимал, что дело это, конечно, чрезвычайно важное и нужное, но оно при всей его кропотливости делается довольно быстро, и У Хуану останется предостаточно свободного времени. В это время он предастся наконец долгожданному созерцанию природы. С чем-то большим, чем просто удовольствие, он будет наблюдать, как постепенно набухают почки на деревьях, как появляется, пробивается новая зелень сквозь прошлогоднюю, слежавшуюся за зиму пыльно-серую траву.

А вслед за ним, дней двадцать спустя, приедет туда жена со множеством служанок. Она-то и развернёт с ними работу по собиранию и высушиванию только что проклюнувшейся свежей зелени – под шуточки, смех и песни, такие естественные для весенней поры.

Затем вскроются реки, пойдёт дичь и рыба всех пород и видов. И половодье на время перекроет все пути назад. Зато на заливных, освобождающихся от воды лугах появятся радующие глаз цветы среди набирающего буйство разнотравья, а главное, наберет соки полевой лук.

Поистине, это лучшее время ещё и потому, что У Хуан, избавившись от сторонних глаз, весь как бы распрямляется духом и расслабляется самой душой своей. Там, среди соратников и даже друзей по службе, он до сих пор чувствовал себя всё-таки не совсем своим, словно опасался, не нарушает ли чего, каких-либо неписанных, ему ещё неизвестных правил и обычаев – хотя все вроде бы давно изучил и освоил. Отсюда нет-нет да и возникало в нём некое внутреннее, неподвластное рассудку напряжение.

Но главное даже не поведенческое соответствие среде, в которой жил, а лишение банального права, например, свободно питаться тем, что любишь. Здесь, среди семьи, он волен есть всё, что ему угодно и привычно. А при хуннах даже зелень есть неприлично. Они почему-то считают, что человек не должен есть траву, как скотина. И чем тут и как им возразишь? Что уж говорить про всяких водных и земных животных, запрещённых к употреблению в пищу, а таких немало. Они уверены, что есть нечистая пища, которая оскверняет человека. Не сразу, но выяснилось, что при всей кажущейся вольности они живут среди огромного количества подчас совсем непонятных запретов.

Например, уток и гусей есть можно, а лебедей, хищных птиц и прочих пернатых нельзя. Трудно понять, почему рыба разрешена, а всё иное население водных стихий для еды у них запрещено.

Из животного царства оленей, лосей и даже медведя можно есть, а вот тигров, львов, волков, гиен и лис ни в коем случае нельзя. При этом мясо огромного суркатарбагана особо почитается, очень даже уважается как лечебное, а любое мясо семейства крысиных, в том числе мышей – категорически нельзя.

Но чем они не просто брезгуют, а даже ненавидят - это змей, червей и ящериц, по китайским кулинарным понятиям очень даже ценных. И поэтому поневоле приходится прятаться, скрывать свои привычки-предпочтения и всё делать так, чтобы хунны даже не догадывались о его вкусовых пристрастиях, чтобы не оскорблять их чувства.

Сейчас, по прошествии времени, он с усмешкой вспоминает, как в первый год жизни в плену довольно сильно исхудал. И не только из-за долгого выздоровления. Просто он так затосковал по своей родной, привычной китайской еде, что ел местную еду совсем мало и через силу.

Хорошо, что жена скоро это поняла, выпрашивая его, и начала советоваться со здешними китайками. Эти её познания помалу преобразили всю их семейную кухню, невзирая на местные предубеждения не есть всякую травку, как скотина, или побегов и листьев деревьев. И научилась готовить еду даже из змей, червей и всяких насекомых так, что иная китайка позавидует. Делалось всё это, конечно же, умело и втайне от чужих глаз, потому что хуннское предубеждение было слишком уж сильно.

Но человек, особенно преданная женщина, ко всему привыкает и приспособливается. Надо видеть, как она оживает всегда, всюду бегаёт, суетится, собираясь вместе с мужем ехать в горы. В огромном дорожном мешке укладывает разного размера туески из бересты, мешочки из шкур животных, рыбьих пузырей и прочего более-менее крепкого материала. Всё это в своё время она наполнит сушеными приправами и вкусоностями, которых должно хватить всей семье на год вперёд.

Нет, хорошо всё же, что из-за любви к нему жена-хуннка, умница каких мало, сразу поняла и приняла его сторону и даже сама стала разделять его вкусовые пристрастия, затем и детей приучила. И как же он теперь благодарен ей за эту, ни много ни мало, жертвенность, потому как видел, насколько велико у её соплеменников чувство брезгливости, отвращения ко всему такому, до чего запрещено даже руками дотрагиваться, чтобы не оскверниться.

Оказывается, они всё запретное связывали с нечистыми силами. Из-за этого не только брезговали сами, но и потребляющего, по их мнению, нечистое считали тоже нечистым, осквернённым, связанным с этими тёмными силами и с самим их вождем Аджараем. Предубеждение это порождало у них всякого рода домыслы, подозрения, предположения о связи выявленного оскверненного лица со всеми бывшими и даже будущими причинами неудач и несчастий всего хуннского общества. И человек становился всеобщим изгоем, от него все отворачивались.

А для человека, такое отлучение познавшего, ничего страшнее и представить невозможно.

4. Вызов к сегуну

Всякое отклонение от обычного течения жизни настораживает. Встретив такую неожиданную «поперечину» в делах, непредвиденный случай, начинаешь невольно гадать – к чему бы это? Долгая размеренная жизнь приучает к спокойствию, расслабляет – хорошо же, когда всё течёт своим привычным ходом, без всяких неожиданностей.

И на этот раз вызов к сегуну был вроде бы обычным делом, ежегодно перед поездкой в горы он наставлял его, давал какие-то дополнительные указания. Необычное же было в срочности вызова - что-то случилось? Грядут некие перемены?

В отношении него вроде бы они исключены. Ибо кем его заменить, да и зачем? Но неужели какие-то перемены в верхах? Кто их там знает, всё может случиться...

Неким шестым чувством У Хуан давно ощущал уже, что в воинских верхах что-то назревает, в Генштабе явно какое-то брожение происходило, чего-то готовилось – и что бы это могло быть? Тут можно было строить только отдаленные предположения – допустим, какой-нибудь перевод по службе...

Это совсем было бы некстати, не хотелось нарушать устоявшиеся за эти годы взаимоотношения и распорядок вещей. А новое обязательно нарушит все столь привычные устои... «Ладно, поживем – увидим», – успокаивал он себя.

Внешне, на первый взгляд, в хуннской орде ничего особо не изменилось, всё было знакомо, даже в чём-то набило ежедневным повторением оскомину. У шатра сегуна его встретили два молодых генерала, видимо, совсем недавно произведённые в чин. Они служили при Ставке, встречая и сопровождая важных военачальников, вызванных по разным делам в орду. Так назначают сюда, чтобы они, новички, быстрее познакомились или хотя бы знали в лицо всех командиров. В дальнейшей службе им это очень поможет. Бывают такие ситуации, когда какой-либо высший начальник может переменить свою обычную одежду с ярлыком – знаком отличия – на другую, или в какой боевой обстановке и неразберихе, но все должны узнавать его в лицо.

Увидев молодых военных, он с гордостью, даже с некоторым умилением вспомнил своих воспитанников Акола и Бабыра, внуков сегуна. Эти же были старше их лет на пять-семь. Но Бабыр, будем надеяться, быстро достигнет такого же чина и должности, очень уж способен во всём к воинской службе. А вот Акол... Он совсем по иной стезе пошёл – по видимой только ему одному, слепому от рождения. Вот уж, поистине, не этого мира человек, божие создание – и это среди хуннов, людей земной страсти и воли ...

У входа в главный суглан У Хуана встретил вечный дежурный – старый, выслуживший все свои года толстяк – и долгим оценивающим взглядом посмотрел на него.

– А что на меня так смотреть, я все такой же, – усмехнулся У Хуан и протянул левую культю. – Глянь, за столько лет даже рука не отросла.

– Ладно-ладно... Нашел, чем шутить, безбожник. Вы, китайцы, все такие, ни греха, ни бога не признаете. Проходи скорей, а то сегун заждался тебя. Уже три раза спрашивал.

Сегун сидел один, и было видно, что он о чем-то крепко задумался, нахмурил высокий лоб. При виде старого друга, да ведь и родственника, поднялся навстречу.

– Нет-нет, не для дела я тебя вызвал, – сказал Турар после обычных приветствий. – Дело ты и сам прекрасно знаешь, не в первый раз едешь. А хотел вот просто посоветоваться с тобой...

– Да? Ну, тогда я слушаю, – удивленно ответил У Хуан.

– Я в большом смятении, друг мой.

– В чем дело? Что случилось?

– Твой воспитанник Акол заявил вдруг, что должен идти к святым местам – поклониться и помолиться. И мы все так удивлены, что и не знаем, что ему и себе сказать... Видели, конечно, что он растёт другим человеком, чем все мы, грешные, но не предполагали, что до такой степени. Оказывается, что он и думает как-то странно, не по-

нашему... Откуда он взял, что где-то там, в горах Куньлуня, есть какие-то святые места? Не ты ли ему рассказал?

– Да, почтенный... Это я ему рассказывал о тайнах Куньлуня, – сказал У Хуан. – Виноват, если что... Да об этом и другие не прочь поболтать, всяких слухов хватает. Но я и не мог тогда предположить, к чему это приведёт и на что он решится...

– Еще как решился! Но ведь он же слепой! А туда и не всякий зрячий сумеет добраться. И мы не знаем, что и делать. Никакие уговоры, доводы он не воспринимает... А от провожатых и лошадей отказывается наотрез. Говорит, что настоящий паломник должен идти только пешком, разве что с поводырём...

– Да, это серьезно... Но я только древние легенды рассказывал о святых местах, о неких таинствах, а о паломничестве – нет, ничего не говорил.

– Да что теперь об этом... Он очень общительный мальчик. И мог узнать об этом от кого угодно. – И Турар тяжело вздохнул, покачал головой. – Надо же додуматься до такого. А это ведь верная погибель. В горах рыскают и дикие звери, и беглые разбойники. А ни от тех, ни от других хорошего не жди. Может, ты попытаешься отговорить его? Хотя, понимаю, это вряд ли получится. Пусть подождёт хотя бы год-другой...

– Хорошо, я встречу с ним. Это всё?

– Это первое. А второе – то, что я должен тебя, моего верного друга, предупредить о своём предстоящем решении.

– Я слушаю.

– Я решил наконец подать в отставку.

– Ну, это зря... Такие вещи, мне кажется, надо не просто тщательно обдумать самому. Ведь это касается очень многих твоих соратников. Да и всей армии, в конце концов.

– В том-то и дело. И даже тебя лично тоже. Это вторая причина вызова ко мне.

– Меня? – искренне удивился У Хуан: с какой бы, в самом деле, стати вести тут речь о нём. – Что я могу значить? Я же маленький человек...

– Нет, ты не маленький человек... – Турар задумчиво посмотрел на У Хуана и медленно, с расстановкой произнес: – Ты – мой большой друг. Подумать о тебе я обязан в первую очередь. О том, что станет с тобой после меня, при новом сегуне.

– Да, теперь понимаю...

– Когда я принимал тебя на хуннскую службу, у нас с тобой было несколько договоренностей. Например, о том, что очень важно оставлять тебя всегда в «тени», чтобы китайские соглядатаи не смогли узнать в тебе Лу Туана. Помимо того ещё, что ты не можешь и не должен участвовать в китайских походах. Согласится ли с этими условиями новый сегун? Мы этого, увы, не знаем... Предположить можно лишь одно: ему позарез нужны будут такие сведущие профессионалы, как ты.

– Буду надеяться на это. Хотя сам я о таком как-то даже и не думал...

– И что делать? Как быть теперь? Об этом и надо поразмышлять. И я подумал за тебя вот что... Не знаю только, примешь ли мое предложение.

– Слушаю, конечно же...

– Пока я еще сегун хуннской армии, я могу отпустить тебя с честью, то есть ты можешь получить отставку. Подумай сам и поступи, как знаешь. Это будет трудно... но, в общем, сам решай. Не захочешь если – оставайся.

– Хорошо, я подумаю. А теперь, господин сегун, разреши мне задать один вопрос.

– Давай.

– Зачем тебе в отставку? Мог бы и еще... – Тут он заволновался и сбился с речи. – Сейчас не время... нужды никакой нет. И как без тебя армия и мы?..

– Ничего. Армия устоит.

– А если нет?

– Ну что ты болтаешь? Конечно, устоит. Я слишком долго был командующим, сам себе уже надоел. Надо понимать, что всё когда-нибудь да кончается. Наши дни

прошли, настало новое время, а вместе с ним и новые люди пришли. Им не нужно мешать расти, всё брать в свои руки, и тут надо в нужный момент отойти в сторону... В общем, я уже все продумал. А теперь и ты думай... Подумай прежде о себе. Потому что наш с тобой договор, повторю, не сможет перейти к новому сегуну по наследству. Но всегда знай: в военное время ты – знающий Китай, язык и прочие тамошние тонкости чуть ли не лучше всех – будешь им очень нужен и тебя неминуемо заставят участвовать в войне... А дело идёт, судя по всему, к ней. В общем, сам решай и ничего не упусти из виду.

– Да, похоже так и будет... ты, как всегда, прав. Я же всегда был за твоей спиной... Теперь понимаю, что и мне нужна отставка. Хотя жалко уходить, я ведь и действительно всей душой прикипел к армии, к походной жизни. Но без тебя – что я?.. Уже и себе не смогу принадлежать, свободно себя чувствовать. И чуть ли не превращусь опять в военнопленного...

– Что ж, тогда готовься к отставке. И спасибо тебе за верную службу!..

– Взаимно и я – за всё... Ведь благодаря тебе я обрел здесь вторую жизнь.

У Хуан встал, поклонился низко и, чтобы скрыть нахлынувшее волнение, поспешил выйти.

Как только У Хуан вышел из суглана командующего, его окружили три полевых генерала со своими просьбами, зная, что он не только ведёт ревизию складов, но и распределяет ежегодные поставки военного снаряжения по подразделениям орды. Всем теперь понадобились на этот год лёгкие полотняные и шелковые шатры. И еще просили предусмотреть поставку длинных китайских плетеных канатов, которые, в отличие от хуннских, не размокали в воде, не растягивались и, будучи намного прочнее, оказывались незаменимыми при переправах через бурные реки...

Они хотели было подробно объяснить, зачем им позарез нужны сегодня не плотные, а потому теплые, а именно шелковые, прохладные при жаре шатры. Но не У Хуану, с его-то опытом, надо было разъяснять, почему они просят на этот раз лёгкие шатры и прочные канаты: значит, не просто предположением или оговоркой были слова сегуна, а предстоял военный поход на жаркий юг, в Китай...

Заверив генералов, что их просьбы будут рассмотрены и, скорее всего удовлетворены, он направился было к себе в сурт, но свернул в сторону, чтобы хоть немного побыть одному, обдумать ещё раз своё положение.

Да, с отставкой сегуна Турара и его дальнейшая служба становится слишком рискованной. Он не может остаться при новом командующем и совсем другом его окружении. Они, не захотев понять его проблемы, скорее всего заставят участвовать в китайском походе, куда ему никак нельзя...

Но и менять привычное, что ни говори, тоже боязно. Вне армии обычная обывательская жизнь для него как бы теряет смысл и станет, возможно, страшно скучной, однообразной, без главных мужских – воинских – забот, без ощущения своей нужности, полезности огромной армии, без соратников-сослуживцев, без сегуна, покровителя и друга. И в конце концов его скоро забудут... Но это-то вполне естественно и почти не главное сейчас для него.

Трудно представить, как вообще может жить человек без команды, сам по себе. Воля, может, и хороша, но почему-то она и пугает, и настораживает – как всякое незнакомое, словно там, на свободе, таятся неведомые опасности и угрозы...

Вдруг остро вспомнилась и пробежала по всему телу забытая давно, казалось бы, боль... Это явно ощутились, заныли пальцы отрезанной некогда левой руки.

5. Легенда, прославившая забытую крепость Уай

Тогда, еще в Китае, семнадцать лет назад, Лу Туан служил заместителем начальника гарнизона крепости Уай численностью около семи тысяч человек.

Хунны налетели, как чаще всего и бывает, внезапно. Главные силы гарнизона находились в этот момент в степи, совсем недалеко, в каких-то трех ли от крепости. Конница степняков настолько численно превосходила китайское войско, что не было никакой возможности активно противостоять ей. Солдаты заученно заняли круговую оборону, сплотившись и выставив копья навстречу врагу, стали отступать к воротам крепости. Хунны, поняв, что у обороняющихся не было арбалетов – единственного оружия, которого опасалась конница, стали смело подлетать к плотным пешим китайским рядам, кружить вокруг, на скаку забрасывая длинные арканы. Несчастных вырывали из рядов и волокли, кричащих от ужаса, в степь... Это было страшное даже для привычных ко всему воинов зрелище.

Началась паника. Ряды дрогнули, и солдаты ринулись к крепости, ища спасения за её стенами. Окованный железными полосами затвор ворот был поднят наверх – но, видимо, сломался какой-то тормозной механизм, и тяжёлый затвор вдруг начал сползать вниз... А не меньше трети войска еще оставалась снаружи. Лу Туан, оказавшись в это время рядом, успел подставить под него своё копье, чем остановил на время его падение. И командовал последним отрядом, с копьями наперевес отступавшим к воротам – когда его нечаянно сбили с ног и он упал почти под затвор. Древко копья не выдержало тяжести, затрещало, и проход с грохотом закрылся, придавив ему руку...

Когда хуннская конница отхлынула и ускакала, оставив попытку штурмовать крепость, и затвор ворот сумели поднять, то под ним обнаружили только отрубленную кисть руки Лу Туана. Тело же его, как ни искали по окрестностям, найти не смогли.

Спасенные им солдаты и офицеры с подробностями и во всех деталях описали его подвиг. И, как всегда, со временем эти рассказы обросли многими красочными, хотя и облагораживающими, но не существовавшими на самом деле подробностями, стали легендой.

Лу Туан в родной Китай не вернулся, а вместо него там начала жить своей жизнью легенда о небывалом его подвиге. И в итоге разрослась целая история о герое, спасшем не треть, как это было на самом деле, а целый гарнизон, при этом под закрывающиеся ворота он, оказывается, подставил не копье, а свое плечо, и когда придавило левую руку, он правой продолжал поражать наседающих хуннов... Храбрые китайские солдаты, открыв потом ворота, нашли только его отрубленную левую кисть, а самого героя дикие хунны унесли с собой, чтобы, зажав на костре, съесть и тем обрести его мужество, его дух... Но затем эта версия была сверху, от начальства, подправлена, так как нехорошо получалось, что такого героя могли так запросто съесть дикари. Появилась и утвердилась иная легенда, по которой хунны унесли героя, чтобы совершить его ритуальную казнь: публично изрубить тело своего лютого врага на куски и предать после этого огню – как бы принося жертву своим нечестивым богам...

Таким образом, Лу Туан стал национальным героем не только в Чжоу, но и в соседних государствах, особенно в У, откуда была родом его мать. Поэты писали о нем стихи, а народ распевал песни, знаменитые художники воспроизводили героические сцены из его жизни. Появилось множество свидетелей самого этого героического события, и число их, судя по всему, в несколько раз превышало общую численность гарнизона крепости Уай. Легенда продолжала обрастать всё новыми и многими подробностями, но начальство строго следило за тем и давало ход только необходимым вариантам, жестко пресекало всякие ненужные вольности, которые могли принизить или упростить подвиг всенародного героя.

Многие предприимчивые солдаты и офицеры, используя службу в знаменитой крепости, затем успешно продвинулись по военной или гражданской службе. Несколько офицеров получили значимые повышения. Сю И, командовавший гарнизоном крепости,

стал генералом, но, прослужив всего год, предпочел подать в отставку и поселился в одном из райских уголков на юге Чжоу.

Семья героя была щедро обласкана правительством. Им выделили прекрасное поместье с обширной пахотной землей на берегу Хуанхе. Дети получили хорошее образование и вскоре смогли занять «хлебные» места на государственной службе.

И если бы он вдруг вернулся, то вся легенда разрушилась бы, потому что настоящий герой, получивший такую славу, никак уж не мог явиться перед обществом в виде отпущенного хуннами пленного. А легенды такого рода любому государству всегда необходимы... И когда Лу Туан бесследно исчез для всего Китая, оставив ему только своё героическое имя, то поступил весьма разумно - и для собственной славы, и для жизни своей и семьи. Не должно это дело – разрушать уже устоявшееся.

Даже если бы он, несмотря ни на что, вдруг посмел вернуться, то поставил бы всех в крайне неудобное положение, особенно же семью. Оскорбленные в лучших чувствах чиновники могли бы сделать с его близкими всё что угодно. Нет, живым на родине он был уже не нужен, это бы перекосило или вовсе сломало все политические символы, на нём старательно выстроенные. Его бы, скорее всего, тут же арестовали и втихомолку казнили – как самозванца, бессовестно выдававшего себя за великого героя...

Намерение сегуна Турара немедленно подать в отставку и его самого отпустить в свободную жизнь всколыхнуло в У Хуане многие дремавшие до срока, почти забытые воспоминания, да и связанные с ними чувства тоже.

Так вышло, что ведь вся его хуннская жизнь самым тесным образом была связана с Тураром и без него просто непредставима. Это же он распорядился тогда у ворот крепости Уай забрать У Хуана, осторожно, по запястье, отрезав ему зажатую кисть. Именно он приставил к нему лучших лекарей, которые его и вывели.

Когда он чуть оклемался, Турар принял его к себе советником, оценив его и как человека, и его познания. А через год с небольшим предложил ему жениться на своей младшей сестре, чем окончательно определил всю его судьбу. С последовавшим через два года назначением новоиспеченного родственника начальником тыла армии уже никаких проблем на самом вершине государственной лестницы не было. На этом немаловажном месте У Хуан и служил, обеспечивая снабжение всех походов. Слово своё Турар держал, по их уговору в китайских компаниях У Хуан ни разу не участвовал. О своём «культе героя» на родине он узнал от хуннских лазутчиков, и ничего, кроме тоски по родным людям, досады и, вместе, глубокой печали, эти известия в нём не вызывали...

Да, его ещё с юности тянуло к армейской жизни, к её строгим и чётким порядкам, он искренне сжился со всем её строем и бытом – и именно здесь, как ни странно, понял настоящий её вкус, связанный с самовоспитанием чести и достоинства. Здесь всё предельно ясно и четко было у них, без множества ненужных условностей, зависящих от ежедневно меняющихся обстоятельств и настроения начальства. Именно у хуннов всё воинское дело существовало и развивалось естественно и просто, по требованию здравого смысла, а не по умозаключениям подчас далёких от полей сражения китайских чиновников. Всё было построено на совести, чести и честности. И трудно было в такое поверить, не познав этих простых законов у хуннов. Любое отклонение человека от общепринятых норм поведения бросало тень на весь род, и каждый с самого рождения и до смерти помнил об этом и ревностно придерживался множества коренных и даже, можно сказать, кровных, сберегающих ограничений и правил, выполняя с достоинством все необходимые обязанности, все приказы.

Но делать теперь нечего, придётся со всем этим расставаться. Всё решено, по сути, без него, и куда Турар – туда направится и он. Законы тут достаточно жёстки, и полностью вольным, свободным человеком, несмотря на заслуги, его считать не будут - как, впрочем, и любого другого хунна, разве что примут во внимание старость с

болезнями, а пошлют туда, куда сочтут нужным, по необходимости. Значит, быть вместе с Тураром, другого у него нет.

Да, нет у него иного выбора.

После таких размышлений, как ни странно, стало легче. Нечего и пытаться раздумывать и сомневаться там, где нет выбора. Жизнь сама уже решила так. Надо только принять всё ею предписанное и подчиниться. Таков удел ратного человека. И этим выводом он словно сбросил путы с себя или давивший на плечи груз.

И всё-таки хорошо, что так случилось. Ведь там, куда его отправят, на Синих Озерах, он будет, наконец, свободен от всех забот и множества обязанностей, кроме семейных. Правда, он пока не знает, что это такое: быть свободным. Да и дадут ли ему провести в покое свою старость? Этого сказать ему не может никто, даже сам повелитель хуннов...

Т

6. Невыполнимое поручение

Несмотря на возраст, У Хуан сохранил свою легкую походку, она его очень выручала в многосложных тыловых хлопотах. Выйдя от сегуна, он сразу направился к своему воспитаннику, которого не видел уже довольно давно.

Предстоящая встреча, несмотря на немалую сложность поручения, обещала всё же в первую очередь радость: что ни говори, а успел он как-то сродниться с обоими мальчишками, скучать всякий раз по ним, как по своим детям, когда дела или поездки его надолго разлучали их. И сейчас он, торопясь к их палатке, даже улыбался на ходу, представляя ответную радость Акола.

Но в пути его перехватили две младшие бабушки мальчиков, супруги Турара, и повели к Хотун, старшей жене. Которая и встретила его у своего сурта с уважительным поклоном, отчего У Хуану стало, как от излишней чести, даже неловко.

– Жаждались мы тебя, дорогой Хуан! – воскликнула она после положенных приветствий и, оглянувшись вокруг, не слышит ли кто посторонний, повела его в другой, видимо гостевой, сурт. – Ну что, был у Турара?

– Только что от него.

– Значит, узнал о его отставке... А ты как решил?

– Ну, кто я без него? – усмехнулся Хуан. – Куда он, туда и я.

– Я тоже так рада этой новости! Наконец-то заживем по-своему, по-человечески. Столько лет с этой армией носится, до таких лет дожил – а ни разу вольно не дышал.

– Ну, еще надышимся...

– Ладно, об этом после поговорим. У нас тут другая забота, какую не ждали. Акол, твой любимчик, нас прямо-таки огорошил. Надо же на такое решиться, такое выдумать – пуститься в паломничество по каким-то святым местам Куньлуня... Я даже представить себе не могу такого! И так страшно отпускать слепого мальчика с одним только поводырем... это же верная гибель! Какие беды в этих диких местах его ожидают, никто не знает. Хотя бы согласился поехать с охраной, с небольшим караваном... А он говорит, что тогда это будет путешествием сытого богача, а не паломника, который к святым местам, якобы, должен добираться только пешком и обязательно без какой-либо охраны... И это в наше время, слепому-то!

Хотун была вне себя от раздражения, даже гнева на своё бессилие, но всё же скоро взяла себя в руки... У Хуан за долгую службу никогда еще не видел ее в таком состоянии. И он не на шутку встревожился, ибо вдруг понял: она ведь может подозревать его в том, что эта беда случилась именно под его влиянием.

– Несколько лет назад, когда я учил мальчиков, я действительно рассказал о Куньлуне, об отшельниках-богомольцах, о святых местах. Да, это было... Но и только, без всяких подробностей. Да и мало ли о чем я рассказывал... – поспешил сразу признаться У

Хуан, чтобы сразу отсечь все подозрения в свой адрес. – Все, кому не лень, об этом болтают...

– Я так и думала. Акол за это и ухватился. Видно, он потом много размышлял об этом, расспрашивал у сведущих людей всякие подробности. Удивляет, откуда он так точно знает все подробности этого долгого и трудного пути, по которому ходят паломники? – И Хотун остро глянула ему прямо в глаза. – Ведь не ты же, надеюсь, рассказал ему об этом?..

– Нет, конечно. Я об этом и сам никогда не слышал. Вы учтите, что мальчик-то очень непростой. Я об этом с самого начала нашего с ним общения говорил вам.

– Ты думаешь, что у него шаманские... как бы это сказать... наклонности?! – Хотун эти слова явно не понравились. Хунны не жалуют шаманов, общающихся с темными силами и духами. Людей, склонных предсказывать еще не свершившиеся события, они почему-то считают больными и ущербными, на которых нельзя полагаться ни в ратном, ни в каком ином деле жизни. – Способности у него такие?

– Нет-нет, я имею в виду совсем другие его особенности. Это вещие сны, провидения, тонкие прозрения... – попытался уточнить свою мысль У Хуан, несколько смешавшись под её пронизательным взором. – Всякое есть в человеке, о котором он даже не подозревает порой.

– Всё равно, это нехорошо, от лукавого всё это. Не должен человек заниматься предвидениями, видеть невидимое, ощущать неосознанное... зачем? Это удел нездорового, больного восприятия.

– Я понимаю вас, почтенная. Но жизнь не всегда укладывается в наши правила и порядки, в наши пожелания.

– Ну что ты говоришь такое?! – Хотун так сверкнула глазами, что в который раз напомнила ему, китайцу: эта умнейшая женщина родилась, чтобы повелевать. – Все, что не укладывается в наше представление о здоровье, о здоровом восприятии, должно быть исключено и искоренено! Ведь это мы сами, и никто другой, устраиваем нашу жизнь по своему желанию и разумению... Вот и в нашем случае должно быть так же. Зачем, ну скажи, зачем слепому пешком с одним только поводырем тащиться в такую даль? Это же напрашиваться на верную смерть... И что же нам делать? Как спасти мальчика?! Как его отговорить от этого не то что неразумного, а попросту сумасшедшего решения?

– Даже и не знаю, почтенная...

– Но это можешь сделать только ты – его, как он говорит, любимый учитель. Только ты – единственный из всех – для него непререкаемый авторитет... Притом намного больший даже, чем мы с дедом и все вместе взятые мудрецы наши.

– Боюсь, вы преувеличиваете моё влияние... Для младшего, Бабыра, может это и так. Но Акол совсем иной. Он всегда был равным собеседником, даже и в детстве. Мы с ним уже с восьми лет беседовали, рассуждали обо всём без явного старшинства с моей стороны... да, он мне давал понять, что мы говорим на равных. Он очень умный и даже мудрый мальчик. В нем дремлют большие, мне кажется порой – великие задатки.

– Вот и дорассуждались... Надо же додуматься до такой бредовой идеи – идти поклониться к каким-то якобы святым местам. И мне не понятно, откуда он мог узнать такие подробности о дороге туда, вплоть до каждого поворота её, до каждой скалы... да, он знает про все сложные спуски, подъёмы, ущелья. Такое впечатление, что он сам лично когда-то там побывал...

– Я же говорю вам: он мальчик непростой. Он же может, поверьте, предсказать события наперед или рассказать, зачем человек пришел к нему и с какими мыслями. И тут же поведает о пришедшем, с кем тот встречался вчера, что позавчера делал...

– Не болтай глупостей! Это ты, наверное, сам в своей затуманенной китайской голове выдумал о нём всё это... Не верю, он не такой. Просто умный, пронизательный мальчик, только и всего, – отрезала Хотун раздраженно. – А теперь иди, поговори с ним. И обязательно переубеди, отговори его от этой неподобающей хунну выдумки.

У Хуан вышел из сурта Хотун с тяжелым сердцем: он понял, что получил не просто трудное поручение, а очередное невыполнимое задание. Их за всю его долгую службу было два; и вот получается, что это третье.

Для ратного человека невыполненный приказ оставляет порой тяжелый осадок в душе на всю жизнь. Каким бы абсурдным ни было распоряжение, а ты обязан выполнить его. Когда-то благополучную жизнь мелкого чиновника Лу Туана изменил случай. Получив задание обосновать введение дополнительного налога, пожалев народ, этот чиновник написал письмо начальству о невозможности его. С одной стороны, это было самой что ни есть правдой, ибо в случае дополнительного принудительного сбора к весне народ бы оголодал, очень многие бы погибли, а чудом выжившие не смогли бы получить хороший следующий урожай, сил бы у них не осталось, да и сеять, скорее всего, было бы нечем. И это нанесёт явный вред благополучию страны. Кстати, даже и сами чиновники окружной администрации отнеслись к его письму с пониманием. Но, с другой стороны, решение высшего органа было непререкаемо. Лу Туан, по их мнению, не только не выполнил возложенное на него поручение, а еще столь дерзко для низкого по званию исполнителя пытался обосновать своё неподчинение. В результате он попал в опалу – и хорошо ещё, что в армию...

Второй случай произошел уже в годы, когда он дослужился до чина заместителя командующего укрепрайоном в армии государства Чжоу.

Тогда, после неожиданного налета хуннской конницы, разграбившей обоз северных народов с дарами для императора Чжоу, ему приказали догнать хуннов, обязательно наказать налётчиков и вернуть награбленные ценности. Для этого ему выделили тысячу пехотинцев и всего пятьдесят всадников. Что ему оставалось делать? Приказ есть приказ...

Пока они выдвигались в степь, конных хуннов и след простыл. Приказ был заведомо невыполнимым. Никак не догнать пешим конное войско, где у каждого нукера по две заводных лошади. А если и представить, что даже догнали бы, то у хуннов было такое боевое превосходство во всём, в численности в том числе, что с ними ничего сделать ему и не удалось бы – кроме собственного разгрома, да...

Те генералы с округа, которые отдавали приказ, все это прекрасно понимали, но им надо было изобразить свою якобы решительную деятельность, ибо потеря подарков для императора могла обернуться для них непредсказуемыми карами.

Конечно же, Лу Туан не смог «догнать, наказать и вернуть ценности», и его, как не выполнившего приказ, наказали. Наказали даже дважды: понизили в должности и в звании. В результате все высшие начальники, кроме него, остались на своих местах. А крайним оказался он, сосланный в крепость Уай.

И вот У Хуан на старости лет в третий раз получил приказ, который заведомо невыполним... Каков результат будет на этот раз? Слава Тэнгри, по сравнению с законами его первой родины здесь царили иные нравы. Никаких явных наказаний, кроме немого укора и сожаления, последовать не могло... Но для него как раз это и окажется тяжелее любого наказания. Хотун, видимо, и правда понадеялась на него, сама себя уверив, что упрямый юноша послушается своего якобы духовного учителя с его непререкаемым авторитетом. Но это были земные рассуждения любящих, к тому же, близких людей, а мальчик живет и мыслит иными, вовсе не земными помыслами и стремлениями.

У Хуан слишком хорошо знал своего воспитанника. Он понимал, что решение его уже принято - и, кажется, определилось оно вовсе не здесь... И по всему оно заметно, это влияние высших сил – тех, обитающих на небесах...

Как бы для нас, земных, ни казалось абсурдным такое, но посещение святых мест Куньлуня слепым паломником – это серьезное деяние, и этот по человеческим меркам бесполезный, но великий подвиг был нужен разве что небесным силам... Для чего? Нам

не может быть это ведомо... И как он будет отговаривать его от этого решения, понимая, откуда оно исходит? Что тут может У Хуан? Он земной человек и возможности его не то что ограничены, нет – они мизерны. Но сейчас он получил приказ тех, кто имеет здесь право приказывать, и не подчиниться которому не посмеет. И он, конечно же, исполняя свой долг, приведя множество доводов, попытается отговорить юношу. Но тот, и в этом нет сомнения, не послушается - и хорошо сделает... Да, так оно и будет, потому что его духовное право выше всех земных прав.

А что, если вдруг он примет его доводы из уважения к нему, из послушания? Нет-нет, этого не хотелось бы. Ибо это значит противостоять воле небесных сил, не меньше. И тогда ниспосланная ими кара будет тяжела...

Но делать нечего, надо в меру сил своих выполнять приказ.

И он с тяжелым сердцем направился к знакомым суртам...

7. Разговор с учеником

Шелковый шатер Акола был сильно натянут, и потому трепет ткани на легком ветерке напоминал мелкую нервную дрожь, бегущую по коже необъезженной лошади. Шатер стоял посреди поляны с редкими хвойными деревьями. Возле него четко были видны странно вытопанные тропинки, необычные своей излишней прямоотой, что напоминало медвежьи тропы.

Около шатра никого не было, но когда он приблизился, навстречу выбежал Акол, издали, видимо, услышав и узнав учителя по шагам.

– О, Бахсы мой, наконец-то!.. Я так ждал вас!

Как ни привык У Хуан к облику своего воспитанника, но и сейчас будто споткнулся, остановился, опять поразившись этими его широко открытыми синими глазами, удивительно осмысленно и зряче глядевшими на него, радостно блестящими... И всякий раз ему становилось немного не по себе от этого ясного и, казалось, куда более зрячего и пронизательного взгляда, чем у всех у них, земных и грешных...

Акол склонил голову перед учителем, почтительно сложил руки:

– Как вы мне нужны, мой дорогой Бахсы! Мне надо очень многое вам рассказать и о многом расспросить. А еще и посоветоваться с Вами.

– И я очень соскучился по тебе, мой друг. Есть и мне что рассказать тебе.

– А я уже знаю, что вы с моим дедом собираетесь оставить службу. Ну что же, давно пора. Надо же и для себя, а главное – для своих дум, для души своей пожить.

В шатре он предложил учителю мягкую верблюжью циновку и подал две подушки, а сам устроился напротив. И тут же откуда-то сбоку достал точным движением руки кувшин с прохладной родниковой водой и, не пролив ни капельки, наполнил глиняную чашку и подал её учителю.

– Да, мы с твоим дедом уже скоро будем отставники, – сказал У Хуан, внимательно следя за выражением лица, за каждым движением мальчика. – Ты это хорошо сказал, что надо и для дум своих, для мыслей пожить. Привести их в порядок, оглядеться наконец вокруг, осмыслить прожитое. А то ведь, считай, впопыхах прошла почти вся жизнь...

Акол меж тем всё время вертел в руках длинную тонкую бамбуковую палку, и её назначение заинтересовало учителя. Она явно не служила палочкой-поводырем для слепого, ибо две такие висели у входа... для чего она тогда?

Во всё время разговора он как-то странно вертел ею, словно при ее помощи что-то делал, доставал ли ею чего-то. У Хуан, внимательно следя за его движениями, заметил, что Акол палку держал навесу наконечником вверх и никогда не касался им земли.

– И неужели вы еще и недовольны этим? – спрашивал юноша, заметно подросший в последнее время. – Это даже странно... Ведь служба, всем известно, чрезвычайно

трудное и подчас опасное дело. Тем более не на каких-нибудь два-три года, а на всю почти жизнь.

– Так-то оно так... Но человек – странное существо, он со временем привыкает ко всему, и любые пути начинает восприниматься им как нечто родное и даже необходимое. Надень на нас с твоим дедом бронзовый ошейник или хомут - и мы привыкнем к нему. А когда, наконец, снимут, то начнем маяться без него.

- Да? Что ж, похоже, что это так...

Акол вдруг примолк. Посидел, прикрыв глаза, о чем-то напряженно думая, затем сказал:

– Если вдуматься, вникнуть в суть, то действительно, не так всё просто. Оказывается, печальную новость вы мне поведали, уважаемый Бахсы... Ваша с дедом отставка больно отзовется в армии... – Он глубоко и многозначительно вздохнул и как бы для себя, вполголоса и невнятно пробормотал: – Да-да, вот о чем был сон, который я не смог понять... да, не смог распутать смысл иносказания. Сейчас всё ясно... - И добавил полным голосом: - Но жаль, что это так больно отзовется в армии, да и на всех нас.

– Ничего, Акол, это обычное дело. Мы достаточно послужили. Надо и другим вовремя место уступить, чтобы те набрались опыта. А без небольших потерь ничего не обходится в жизни. Даже малый ребенок учится ходить через падения, ушибы, ссадины.

– Если бы только малые... – со вздохом произнес Акол и замолчал, явно не желая дальше об этом говорить.

Его Старый Бахсы догадался, что юноша знает нечто большее и скорее всего весьма неприятное, и тоже не стал продолжать разговор на эту тему, подумав не без покорности: «Чему быть, того не избежать... Удивителен всё-таки мир, в котором мы иногда считаем себя вершителями судеб не только отдельных людей, но и целых народов. Думаем, что мы сильны, что уверенно и крепко стоим на ногах... А этот мальчик загодя увидел сон о том событии, которое свершилось только сегодня и чем-то грозит всем нам. Правда, тогда он не смог понять, о чем конкретно был сон. Но всё же ведь понял... Значит, рядом с нашей реальностью существует иная, где намного раньше известно то, что произойдет через месяцы или, может, годы здесь. Неужели наши мысли, помыслы, деяния заранее predeterminedены? О боже... прости нас грешников, которые не ведают Творца и Создателя».

С глубоким сожалением У Хуан понял, что ему ни при каких обстоятельствах не удастся отговорить юношу от его опасной затеи. Тут явно прослеживается влияние неких сил, в сферу действия которых попал этот поистине божий человек. И он знает и понимает намного больше, чем все мы, грешные. Человек учится в основном только на пережитой боли, на своих или чужих неприятностях, и совсем небольшую часть знаний постигает умом, рассудком. Жаль, но так устроен человек. Из-за этого и все его беды.

Они еще перемолвились о разном, и всё это время У Хуан напряжённо думал, начать ли порученный ему разговор. Нет, не дело человека вмешиваться в Вышнее...

– Ну, ладно, дорогой, я пойду. Еще много дел у меня, шутка ли – готовиться к свободе... Потом, перед отъездом, обязательно зайду еще, – сказал У Хуан и встал.

– Как же, уважаемый Бахсы, вы же главное дело забыли сказать...

– Какое же? – У Хуан сделал вид, что искренне удивился, чтобы испытать юношу.

– Может, что и забыл... Память у меня от старости совсем негодной стала.

– Ну как же... а то, что бабушка моя вам поручила?..

– Ах, вон оно что... – У Хуан восхищенно посмотрел на своего ученика. – Ну, об этом-то, конечно, помню... Но, мой друг... Но я понял, что тебя уже не переубедить, и не решился отговаривать. И зачем озвучивать изначально обреченные мысли?

– Да, вы правы, мой дорогой Бахсы. – Они уже вышли из шатра под ясное, всеведающее о нас небо. - Меня действительно не отговорить. Я давно принял решение, притом это обдуманное, твердое решение. Я должен. Я обязан совершить этот путь, чего бы это ни стоило... Это судьба моя и предназначение.

– Но это опасный, почти гибельный путь... Стоит ли так рисковать? Так ли это необходимо?

– Я должен... Нет, я обязан! – твердо повторил Акол и с силою воткнул свою бамбуковую трость в песок... – Это мое предназначение!

– При принятии такого решения человек должен думать не только о себе, а прежде всего о своих родных. Что будет с бабушками, дедом, братом и другими близкими, если не дай бог с тобой что-то случится...

– Да, я подумал... Путь опасный, но необходимый, и если бы только для меня... Об этом я не хочу говорить. А если что случится... что ж, пусть! Все в руках Тэнгри Всемогущего... Значит, такова будет моя судьба, прописанная на небесных скрижалях.

8. Время перемен

Уходя от шатра воспитанника, У Хуан вдруг почувствовал какую-то ломоту во всем теле, словно в один момент на него навалилась усталость многих лет. Заныли суставы, прострелило спину. Непонятно куда исчезла лёгкость ног, с которой он шел сюда.

Чтобы собраться с мыслями, он направился на обрывистый берег реки. Внизу мерно и успокаивающе гудело сильное горное течение. На другом берегу виднелась заросшая камышами и молодым бамбуком низина. А еще дальше простиралась широкая степь, которая через двадцать пять-тридцать ли по китайским меркам, а по хуннским полтора-два кес, постепенно переходила в песчаную пустыню. Эта пустыня, как море, разделяла север и юг. Не всякий преодолевал ее даже весной и осенью, когда раскаленные жарким солнцем пески источали гибельный для всего живого жар, а уж летом и подавно мало кто мог уцелеть в этом безводном пекле.

Но с берега реки этого не чувствовалось. И теперь над широким открытым пространством заиграла, заалела удивительной красоты вечерняя заря.

Издаেকে всё предстает в ином свете... А человек изначально склонен многое представлять в лучшем, желаемом виде и часто, очень часто попадает из-за этого впросак. Истина полностью познается только тогда, когда столкнешься с нею лоб в лоб.

У Хуан, поговорив с бывшим воспитанником, понял, что не только ему, но уже и никаким тёмным силам не удастся теперь повлиять на него, заставить отказаться от задуманного им или свыше указанного ему, и жалкие расчёты властной Хотун тут бессильны. Разве что приказом, силой удержать его от паломничества; но на это родные вряд ли пойдут...

Юноша в свои шестнадцать лет уже вырос, созрел духовно, возмужал так, что никто не сможет переубедить его в принятом самостоятельно и глубоко продуманном решении. Это уже не прежний мальчик со множеством самых невероятных вопросов, догадок и прозрений, а взрослый, самостоятельный и, главное, незаурядный человек. Да такой мудрый, что в последние два-три года общения с ним У Хуан стал понимать, что ученик своими познаниями и пониманием мира давно и намного перерос своего учителя.

И еще ему пришлось признаться себе, что он зря считал себя ни при чём в этих странных мечтаниях и желаниях своего воспитанника... ещё как «причём», потому что именно он, У Хуан, с раннего детства мальчика рассказывал ему об огромном, исполненном всяких чудес и великих тайн мире, именно он заразил его жаждой знаний – этой «гнилой китайской немочью», как здесь говорят, старался открыть внутреннему взору воспитанника всю красоту и совершенство мироздания.

Конечно же, не он самолично сподвиг юношу к этой крайне опасной идее паломничества. Но все-таки получается, что это его слова стали зёрнами, спустя некоторое время давшими столь странные всходы в душе воспитанника. Да, он несколько раз рассказывал мальчикам о паломничествах по святым местам, об отшельниках-долгожителях, обитающих в горах Куньлуня, куда те старцы уходили молиться Тэнгри.

Помнится, мальчики с особым интересом восприняли его рассказы о старцах и стали выспрашивать подробности их жизни там, на что У Хуан честно признался, что ничего более рассказанного не знает, сам это услышал от других людей и ему никогда не доводилось встречаться с побывавшими там.

Еще удивило его однажды, что в разговор неожиданно вмешался поводырь Хойгур, обычно тихо сидевший в сторонке, подрёмывая или ковыряя в носу. Это был с виду глупый и довольно наглый малый. Обыкновенно во время занятий, которые у них продолжались довольно долго, он засыпал, иногда похрапывая и бормоча что-то во сне. Тогда Акол тихо подталкивал его бамбуковой палкой в бок. Тот сразу переставал храпеть, но продолжал спать. А в тот раз раздосадованный храпом Бабыр так двинул его кулаком в спину, что бедный поводырь совсем проснулся и, немного послушав, вдруг подал голос:

– Всё это враньё, не может человек четырёхста лет жить! Да и холодно в горах, и есть там нечего...

– Ну-ка замолчи, дурак... что ты в этом понимаешь?! Для тебя главное – поесть и поспать... И уйди отсюда, а то еще получишь!

– Да ладно тебе, Бабыр, что ты на убогом свою силу пробуешь, – тихо возразил ему Акол.

– Да не убогий он совсем, всё при нём. Просто он лентяй, врун и прохиндей. И как ты его только терпишь?!

– Нет, ты ошибаешься насчёт него. Он вовсе не так прост, как ты думаешь. В нем есть нечто... да, что прояснится потом. И вы все ещё восхититесь...

– Ну что ты сам-то городишь?! Он же постоянно врёт, обманывает - даже без нужды, так, на всякий случай...

– Может, иногда немного и приврет, но он это делает искренне, без дурного умысла... как бы понарошку, не со зла.

– Тоже сказал: врет, но искренне... и как это понять? – едко съязвил Бабыр. – Уж не знаю, кто из него вырастет; но если потакать, мне кажется, и не пресечь вовремя его глупости, то из него выйдет большой прохиндей.

– А ты груб и жесток, Бабыр.

– Возможно. Но если бы он был в строю моих нукеров, я бы живо вытравил из него всю дурь. Он бы стал у меня шёлковым.

– Но какой ценой? Ты бы его выправил, сломав силой его человеческую суть?

– А как надо? Неужто одним добром и лаской?

– Надо не силой заставлять, а убедить, воспитать человека. А то, как делаешь ты, может и даст быстрый результат, но вряд ли долговечный, ведь человек тебе просто подчинится из страха перед наказанием. Он будет подстраиваться под твои команды и требования, подавляя в себе свое несогласие, свой протест против тебя...

– Ладно... Возможно, что своих нукеров я и переламаываю, добиваясь от них беспрекословного подчинения... Но ведь им же во благо! Они, пройдя затем бои, неся потери – совершенно преображаются и остаются такими до конца, изменившимися.

– Скажи, поменявшими внутреннюю форму, а снаружи прошедшие обжиг... То же происходит с глиной, которая, пройдя через печь, обжигается и навсегда принимает ту форму, которую насильно ей навязали.

– Но не случайную, а приданную рукой мастера... Будто она была изначально предназначена для этой формы. И в этом большая разница.

У Хуан издавна уже и всегда с интересом слушал возникавшие споры братьев и редко вмешивался в них: сами разберутся. И хотя младший из них, Бабыр, был довольно резковат в суждениях, но, тем не менее, всегда соблюдал невидимую черту старшинства и в конце концов всегда уступал брату, причём не для виду, а искренне, как истинный хунн, подчиняясь мнению старшего, более сведущего во всём. Удивительное дело, но с самого раннего возраста он такой, словно имел predetermined изначально главную черту

ратного человека, безоговорочно и без сомнения умеющего подчиняться старшему, командиру.

Когда они еще маленькие были, то в пылу спора иногда обращались к нему, как к учителю, чтобы он рассудил их. У Хуан, однако, не подсказывал готового решения, уклонялся от прямого поучения, оставляя возможность им самим разобраться, лишь наводя порой, намекая на правильный ответ. Сам он не считал себя воспитателем и свои способности в этом деле оценивал невысоко; просто так уж само собой получилось, что оказался близким к семье сегуна и стал приглядывать за мальчиками, опираясь больше на добродетельный инстинкт и здравый смысл, чем на педагогические знания.

Братья, конечно, были очень разными, будто предназначенными для целей, диаметрально противоположных.. Особенно поражал, конечно же, старший. Было вообще непонятно, откуда и как незрячий мальчик мог набраться удивительно обширных знаний о мире, отгороженном от него непроницаемо тёмной, казалось бы, стеной слепоты? При своей служебной занятости У Хуан не так уж часто мог навещать их и доносить до них те познания, которыми успел сам застаться в жизни, и поэтому никак не ставил себе в заслугу умственные успехи Акола, причем со способностью проникать в самую суть вещей. Малейшие и из любых источников сведения о самых далеких явлениях и предметах он умел тщательно собирать, накапливать и взращивать самой силой своей мысли, превращая постепенно эту огромную сумму фактов и сведений в мудро выстроенное и глубокое знание о самом мире. Притом многие сведения – и самые что ни есть достоверные, - он получал непонятно каким образом. То ли это ему снилось, то ли он общался с каким-нибудь очередным гостем, а может и еще с кем-то, потусторонним или сверхъестественным – не понять... По крайней мере, У Хуану, очень хорошо знавшему Акола и все его окружение, это было непонятно. И хорошо, что своего незаурядного ученика он понял очень рано, а поэтому в общении с ним старался быть достаточно осторожным, даже деликатным, как со всякой явной, но до конца ещё не известной, не выявленной силой.

И со странным ощущением внутренней раздвоенности покинул он шатер своего подопечного. С одной стороны, он был обескуражен самим собой, что не только не сумел убедить Акола отказаться от опасной поездки, но даже не посмел, не попытаться отговорить его. И Хотун, конечно же, будет очень огорчена и недовольна им. Она так ожидала в этом помощи от него, надеялась на благополучный исход его, можно сказать, миссии. Что ж, этого не случилось...

Но, с другой стороны, он, наоборот, был доволен твердым, непреклонным решением Акола. А это значило, что его поступок вызван не каким-то капризом избалованного юноши из верхнего привилегированного сословия, а призванием свыше на этот непонятный ему, китайцу, подвиг паломничества в безлюдные и дикие горы... Это предвещало, что в судьбоносное для всего Срединного мира время рядом с ними уже происходят некие знаковые события, от которых, возможно, зависит дальнейшее течение жизни на земле – и Акол их предчувствует...

У Хуан опять вернулся на каменистый берег реки, прислонился к огромному валуну и впал в тяжелые раздумья. Внизу грозно рокотала на своем неведомом языке река, над берегом носились ласточки, над перекатом кружились, выслеживали рыбу чайки - так же, наверное, как и тысячи лет назад...Что руководит человеком, кроме непосредственной телесной нужды добывания еды, одежды, крыши над головой? Откуда у него возникают те или иные, а порой просто абсурдные, желания? Почему вдруг целый народ срывается с обжитого веками места, бросая нажитое трудом и потом, и без оглядки устремляется неведомо куда? А всякие отвлечённые, вроде бы совершенно не характерные для человека мысли откуда берутся? Кто вселяет их в него?..

Нас окружает столько неизвестного, неподвластного нашему разумению и опыту, что впору бы смириться и задуматься над своим местом в мире. Но нет, мы чрезвычайно самоуверенны и, кажется, словно не замечаем ничего тайного вокруг, не ощущаем, не

видим, не слышим, отрицая или игнорируя, отметая всё непонятное. И потому трудно, почти невозможно определить, что из этого тайного имеет явное влияние на нашу жизнь. И притом оно проявляется в самые судьбоносные моменты, предопределяя будущее, и тогда явно угадывается чьё-то высшее вмешательство. Может, поэтому люди стали верить в судьбу, которая предначертана еще до рождения. А кто может творить это предначертание, кроме самого Создателя всего сущего? И согласно его воле и формируется, должно быть, судьба каждого отдельного человека, которая занимает свою особую, отдельную нишу во всеобщей истории-судьбе мира.

Сложно все это представить маленькому человеку, страшно заглянуть в эти глубочайшие тайны бытия, и ты, по сути, можешь лишь предположить наличие этой тайны, только и всего. Потому что главные истины сокрыты от человека. Порой ты ведь не можешь управлять даже своими собственными мыслями, возникающими неизвестно откуда и от кого. Сдаётся порой, что Некто подбрасывает нам в критические мгновения в одном случае спасительные, а в другом и губительные помыслы, идеи, планы...

Вот о неожиданных решениях, которые, по мысли всякого нормального человека, однозначно могут вести к гибели, и надо бы нам думать. Ведь жизнь любого человека подобна паломничеству слепого, и что только не ожидает его на её неведомых путях, сколько опаснейших случайностей подстерегают. Если дикие звери не растерзают, то разбойники могут убить... Перейдя пылающую безводную пустыню, можешь замерзнуть в горах, утонуть при переправе через бурные реки, погибнуть от голода, заблудиться или сорваться в пропасть... да и мало ли какие трудности подстерегают.

И кому теперь понадобилась эта новая жертва, кажущаяся такой бесполезной? Зачем беспомощного направлять по безнадежному пути?.. Откуда к нему снизошла эта мысль – пройти по святым местам Куньлуня? Мысль-то изначально, может быть, и святая... Но зачем убогому совершать такой опасное путешествие? Ведь говорится же, что всякая молитва, где бы она ни была сотворена, вмиг достигает ушей Тэнгри Всемогущего...

С некоторым кряхтением внутренним, тяжело вздохнув, оттолкнулся У Хуан от валуна, направляясь к шатру Хотун... да, как тот верблюд из крепости Уай, имя которого он принял здесь, в хуннском плену. Так вот получилось, что верблюду дали человеческое имя, а он здесь принял, как это ни печально, верблюжье...

Верблюд Хуан перед крутым подъемом с почти человеческим кряхтением вздыхал и медленно начинал подниматься вверх, нагруженный тяжелыми тюками. Обычно ему доверяли самый дорогой и, как часто это случалось, тяжелый груз.

Человек Хуан с опущенной головой подошел к шатру Хотун и, не решаясь сразу войти и потоптавшись, сел у входа. И то ли привратницы доложили, то ли сама она ждала, но Хотун вышла навстречу и молча присела рядом, всё поняв, только увидев его лицо.

– Что ж, придется смиренно покориться предназначению... по всему видно, что оно свыше, – тихо и как-то подавленно промолвила она. – Ты уж прости меня, что возложила на тебя непосильное. Но у меня иного выхода не было. Ты, твой авторитет учителя, был для меня последней надеждой... Если уж тебя, своего Бахсы, не послушался, то всё отныне в божьих руках. Придется смириться, покориться и ждать...

И тяжело было видеть согбенно опущенные плечи такой всегда прямой и гордой, властной в своих распоряжениях Хотун.

9. Жена

Жена, увидев его сумрачное лицо, встревожилась, но ничего не стала расспрашивать. А он заметил, что справа у двери лежали три кожаных мешка. Значит, она готовила в поход их, своих мужчин: мужа и двух сыновей. К этому ответственному делу она никогда не допускала многочисленную прислугу, всё собирала сама.

Такова древняя хуннская традиция: всё, что может пригодиться в дальнем походе, должно быть отобрано вначале заботливыми любящими материнскими, а затем столь же трепетно – руками старшей жены. Младшие жены обычно только помогают, а окончательно укладывает всё необходимое только старшая.

Походные мешки – настоящие дорожные кладовки – имеют множество карманов и отделений, и каждое из них предназначено для определенной вещи. Если в походе в чем-то нуждаешься, то, не тратя времени зря, сразу же достаешь понадобившееся хоть с закрытыми глазами. Каждая вещичка при этом обычно тщательно заворачивается в кусочек разноцветного шелкового материала, чтобы даже в сумерках ты узнавал искомое и быстро мог достать. А прежде, чем положить обратно, каждый с детства приучен так же тщательно всё завернуть – дорога долгая, еще не раз поищешь. Этот простой ритуал, на самом деле, глубоко продуман. Ибо вдали от дома милые эти мелочи говорят о трогательной заботе родных людей, возвращают тебе семью, пусть пока только в воспоминаниях.

– Ну что, своих воинов снаряжаешь? – как бы между прочим спросил он, кивнув на мешки и садясь у очага, где теплился огонь и на треноге парил глиняный сосуд с едой, приготовляемой к его возвращению.

– А ты как? Правду ли говорят, что...

Обычно и в речи, и в поступках своих решительная, жена сейчас почему-то спросила неуверенно, почти робко, что было на нее не похоже.

– Да, правда. – И откуда только она успела узнать, подумал он; уж не от Хотун ли? – Я теперь, можно сказать, вольный человек. Наконец-то свободный.

– Но как же так?! Ведь ты еще крепок, многое можешь... Как же они так? Ну ладно, ты без них... но они-то без тебя разве управятся?

– Управятся... Еще как справятся.

– А кто станет новым сегуном?

– Ничего пока неизвестно. Саархаан отставку Турара по его настоянию принял, но нового еще не назначил. Наверняка из молодых кого-то найдет. А молодому зачем такой старик, как я? Ему молодые тоже, скорые на ноги, на голову нужны будут.

– Не представляю, как ты будешь без армии... как вообще любой крепкий мужчина может не служить в армии.

– Ну, я-то обойдусь. Ты же знаешь, я мечтал о покое, о Синем озере... Это у вас, у хуннов, всё вертится вокруг армии. А у китайцев, да и у других народов, в армии служат только молодые. Стариков вроде меня сразу списывают.

– Странно, и чем же тогда занимаются там столько людей?

– Да мало ли чем. В основном, выращивают рис, бобы, ухаживают за тузовыми деревьями, ткнут шелк. Занимаются перевозками, торговлей, заготавливают еду, ловят рыбу. Одни охраняют всё это, другие следят за порядком.

– А у нас каждый делает это для себя сам, оставаясь воином. Ну, и некоторые пасут скот, разводят лошадей.

– Это у вас. А там... Там всё совсем-совсем иначе!..

– Ты хочешь сказать, что там намного лучше жить?

– Ну, так однозначно не скажешь. В чём-то здесь лучше, а в чем-то даже и там...

– Да? – Жена покачала головой, усмехнулась. – Ну как же, они же считают нас дикарями...

– Еще скажи, что они сами, как скот, едят траву и всякую гадость типа змей и разных букашек, – усмехнулся ей в ответ У Хуан. – Ладно, давай не будем в который раз сравнивать и спорить, а то ещё поссоримся, на старости-то лет. Китай далеко, а нам с тобой надо и дальше жить здесь, теперь уже вольными птицами...

– Ну и ладно, – понимающе улыбнулась жена. – Мне это даже больше нравится. Неужели вся весна, всё лето и осень будут нашими? Даже как-то и не верится...

Вечером вернулись с военных занятий сыновья – и какие-то молчаливые, насупившиеся. Выяснилось, что они уже узнали откуда-то о предстоящей отставке отца и восприняли её не только как личную отцовскую, но и как семейную трагедию. Но увидев светлые лица родителей, недоуменно переглянулись, ничего не понимая.

По хуннским законам и обычаям каждый здоровый человек, если он еще в силе, не может себя представить вне армии. И обычно в отставку, до которой доживают совсем немногие, уходят только по увечью, болезни или в преклонных годах. Недаром каждый хуннский воин считает самым наилучшим итогом жизни, финалом её, достойным настоящего мужчины, смерть на поле брани. А умирание в постели, когда чувствуешь себя мешком с болезнями, воспринимает только как унижение.

Сыновья всем обликом были похожи на мать, такие же широкие костью и крупные телом. Волосы светлые, только глаза не ярко-синие, а зеленовато-голубые. Всё это в сыновьях радовало У Хуана. Странно, но в Чжоу, где большинство населения имеет хуннские корни, считаются эталоном красоты как раз китайские черты. Особенно же красивыми признают только маленьких, узкоглазых и черноволосых женщин.

Если что и печалило У Хуана в сыновьях, то совсем по другой причине. Он вздохнул, глядя на рослых сыновей, сметающих со стола материнский ужин: баранье мясо, зажаренное на верблюжьем курдючном сале, с зеленью и множеством пряностей, привезенных из Китая. В детстве они были очень близки к нему, отцу, но с годами явно стали отдаляться. В промежутках между частыми своими служебными отлучками и походами он пытался заниматься их воспитанием, учил китайскому языку, письму, культуре поведения, думая, что это поможет им и в продвижении по службе. Насколько это пригодилось, точно сказать затруднительно, хотя в свои пятнадцать лет старший из них уже сотник, что очень даже неплохо, а при удачном стечении обстоятельств обещает весьма большие возможности для карьерного роста.

Но в последнее время появились у него серьезные опасения по поводу сохранения семейного, домашнего доверия и близости. Началось это, когда мальчики подросли и, как ратные люди, стали пропадать в дальних учебных походах, всё более отдаляясь от семейного очага и общения.

С одной стороны, это вполне естественный процесс жизни, так заведено в природе, птенцы рано или поздно вылетают из гнезда. Но вот его не покидает некое ощущение несправедливости... Глядя на ставших уже вровень с отцом совсем юных сыновей, он вдруг почувствовал себя маленькой птичкой, воспитавшей чужих кукушат... Ничего китайского в них уже не было: не только внешним обликом, но всеми своими повадками и привычками они более походили на хуннов, чем даже их чистокровные местные сослуживцы.

При этом с самого раннего возраста они, конечно же, знали о своих китайских корнях, определились в своём пристрастии к домашней пище, особенность которой в изобилии ароматной зелени, приправ и деликатесов, за пределами их шатра никому не известных... да, было что тщательно скрывать от чужого взгляда. К сожалению, это едва ли не единственная, с детских лет унаследованная сыновьями китайская традиция, ставшая привычкой. А в таком – походном, бивуачном - отстранении от семьи решающее значение, видно, имеет окружение, среда, в которой они теперь живут.

И понятно, почему эти настораживающие отца привычки сыновей – их речи, поведение и нравы – совершенно не удивляют и не тревожат мать. Она их принимает спокойно, считает их хуннность самой естественной, а заметно усугубляющееся отдаление от родителей – в порядке вещей.

И хотя У Хуан служит здесь почти семнадцать лет и, можно сказать, притерся, привык ко всему, но в некоторых особенностях, в своих душевных несовпадениях с хуннами – он всё-таки иного строения человек, чем они, другого мироощущения.

Но понять, осознать, пережить – это одно; а принять, срастись всей своей сущностью, словно в свою кровь впустить – совсем другое.

Удивительная всё же выпала ему жизнь, а с ней и служба необычная сложилась. Если бы не было той давней беды – не придави воротами руку и успей он проскочить в крепость – то мог бы неизвестно сколько ещё пожить в Китае. Хотя в последовавших тогда боях он, скорее всего, оказался бы среди погибших или покалеченных, как тысячи других, велики были в то время потери. А если каким-то чудом и выжил бы и сумел, завершив службу, вернуться домой, то самое большее, чего ему с трудом удалось бы добиться – это пристроиться писарем в канцелярии и так, тихо радуясь небольшому жалованью, доживать остатки дней.

А тут – самый что ни есть «подарок судьбы»: прилюдно совершённый смелый и всеми, даже врагами признанный подвиг, плен, предложение военной карьеры у вчерашних неприятелей, а на родине – невероятная, посмертная якобы слава национального героя. В результате семья в Чжоу облагодетельствована весьма немалыми привилегиями со стороны власти, а он здесь, «родившись» заново, благодаря семье сегуна Турара дослужился до высоких чинов...

Он понимал, что очень странные, если не сказать – причудливые события, похожие на повеление свыше, предопределили его судьбу. При этом на их течение он как бы вообще не влиял. Просто каждый раз его настигала некая роковая случайность, от которой он в тот момент никак не мог из-за своего нрава отвернуть в сторону. Случайностью было и то, что свидетелем его поступка стал именно сегун Турар, который один мог приказать освободить необычным способом раненого и приставить затем к нему лучших лекарей-эмчи. И, похоже, он один мог тогда оценить познания и способности китайца и из пленника сделать себе не только верного помощника, но даже и зятя – притом, что к такой невесте У Хуан сам никогда бы не посмел посвататься. Конечно, далось ему это – жениться при живой-то жене и детях – с немалым мучением, для китайца это всегда было святотатством, немыслимым грехом... Одно оправдывало: для всех родных его уже нет и не может быть в живых, Лу Туан безвозвратно ушел в царство мёртвых, погиб; а здесь, под новым небом и новым именем живёт некто У Хуан, неизвестный никому на родине. Так ведь и есть, но все же...

Новая жена была моложе его почти на двадцать лет. Девушка она была умной, всё схватывала на лету, а волевым нравом – подстать своему высокому положению в обществе. Да к тому же, что было уже забавным, и телом вышла покрупнее худощавого мужа. Так и сложилось, что всем в семье руководила, во всём верховодила она, и У Хуан этому за своими служебными делами не возражал; да и матриархат, кстати, у хуннов был нередким явлением, в обычае.

10. Склады

Всю долгую дорогу в горы У Хуан пребывал в невесёлом настроении; да другого перед отставкой у него и быть не могло, как он ни хорохорился перед женой. Всё передумал, перевспоминал, пока, наконец, добрался до дальних, сокрытых в ущельях складов.

Встретил его недавно отстраненный от службы и теперь уже бывший заведующий складами Лю Сюа, высокий старик с китайским именем, хотя в облике его ничего китайского не было. Выглядел он явно удрученным, и было отчего. За десяток с лишним лет его заведования складами особых каких-то недостатков в стратегических запасах не было, хотя несколько запущены по срокам поставки возобновляемого снаряжения, и потому армии стало порой не хватать самых необходимых вещей и материалов: что-то забыли заказать поставщикам, с чем-то они сами затянули. А Лю Сюа, человек простодушный и незлобивый, подчас не умел настоять на своевременных поставках того, чего не хватало армейским частям, как не мог и отказать настырным воякам и прочим

тыловым просителям. По отчётности приходов и расходов всё у него совпадало, а вот в наличии кое-чего не оказывалось.

В Китае это расценили бы как крупное преступление, за что суд мог присудить если не смертную казнь, то каторжные работы на долгий срок, в лучшем же случае – военную службу в самом нижнем чине. А здесь виновного «всего-то» отлучают от армии, что вообще-то считается у хуннов одним из самых суровых наказаний, потому что возможность служить для мужчины является высшим смыслом его жизни.

Лю Сюа не стали судить, а просто вынесли строгое порицание за нерадивое исполнение обязанностей. Якобы он вместо того, чтобы беречь добро, по доброте душевной уступал любому просителю и, таким образом, растратил некоторое государственное имущество.

У Хуан вспомнил, как два молодых генерала просили подобрать, отложить для них и привезти китайские канаты, так необходимые в походах, но канатов, конечно же, не оказалось – ни китайских, ни хуннских. Изрядно уменьшилось и количество непромокаемых сапог-хорсох, а также больших кожаных мешков, которые при переправах используют в качестве плотов-поплавков.

Зато заготовок для производства луков и стрел – специально подобранных тонких стволов тундровых берез, жилистых корней, лосиных сухожилий, – оказалось предостаточно, и уже одно это можно было ставить ему в заслугу.

– Эх, Лю Сюа, пришлось бы тебе в Китае за такое хозяйствование лет тридцать рыть каналы.

– Да-да, пожалуй... – Лю Сюа, не понимая иронии, согласно закивал головой и, почесав затылок, добавил: – А вообще Китай – хорошая страна.

– Ну да, особенно для таких, как ты, – съязвил У Хуан. – Вот и поехал бы, там работы всегда много. Туда как раз войска снаряжают.

– Нет, меня уже не возьмут, – печально промолвил Лю Сюа. – Меня, к великому сожалению, отлучили от армии. Да и возраст...

– И правильно сделали, а то ты и там что-нибудь растеряешь-раздаришь...

У Хуан не нашел ничего из того списка, что составили молодые генералы. Оружия и иного снаряжения на складах и сейчас в достатке, а вот того, что просили – в том числе канатов, – нет совсем, и помочь им пока нечем. И что же делать? Ведь У Хуан хорошо помнил, в каком именно отсеке нижнего склада было более сотни аккуратно сложенных мотков канатов. А ныне там пусто, старик отдал их, оказывается, по приказу сегуна в южный округ. Хорошо, что нашлось с десятка два небольших шелковых шатров из заказанного, в походных условиях лишними не будут.

У Хуан, впрочем, ворчал на старика больше по привычке придирается и уже успел многое простить незадачливому заведующему складами. На самом деле, его ведь можно понять: здесь, вдали от проезжих дорог и селений, он прожил десять с лишним лет и людей видит редко, не считая солдат из охраны складов, приезд любых гостей для него всякий раз – великий праздник. И как тут откажешь гостю в небольшой просьбе... Это нам со стороны и свысока судить просто. А попробуй, как он, послужить в такой вот глухомани...

И когда Лю Сюа пригласил его на обед, тот, поколебавшись, всё же согласился. Он еще не знал, что эта уступка провинившемуся обернется для него самого приятным сюрпризом. И при входе в старый холостяцкий, довольно замызганный от времени сурт хозяина он сразу учуял странный посторонний запах, которого в жилище хунна никак не должно быть. Но в первые мгновения не сумел определить, чем это так знакомо пахло.

Его усадили на почетную – тугую, ярко расшитую – подушку за стол из сандалового дерева, источающего приятный аромат, и слуга поставил перед ним большое и глубокое деревянное блюдо с дымящимся мясом.

– А что за мясо? Это же вроде не баранина...

– Да, вы правы. Это мясо горного козла.

– Ну и чудесно, давно не отведывал такого. Но скажи ты мне, что за странный запах в твоём доме?

– Какой запах? Вроде ничего плохого у нас никогда не было... – смутился хозяин, вспомнив, должно быть, что он обычно по осени баловал себя специально доведенной до сильного разложения лосятиной. Конечно, запах такого мяса для непривычного носа ужасен. Но сейчас речь могла идти только о чём-то другом.

– Нет-нет, ты не стесняйся, – сказал У Хуан. – Ничего плохого. Скорее, очень странный, даже завораживающий запах...

– А-а! Вот вы о чем! – вдруг громко воскликнул хозяин и вскочил, стал что-то искать в сваленных в кучу мешках. – Недавно, прибираясь в складе, работники обнаружили какие-то сильно пахучие порошки в шелковых мешочках. Они хотели их выбросить, но я успел остановить, чтобы показать вам, дорогой У Хуан.

Покопавшись в углу, он принёс, прижимая к животу, несколько небольших мешочков. У Хуан сразу понял, что это китайские приправы.

– Но это... это же сокровище!.. – обрадовался он и, даже не раскрывая, по приятным полузабытым запахам определил, что одних перцев тут было четыре вида, а от других мешочков он чувствовал наслаивающиеся друг на друга ароматы тмина, корицы, куркумы...

– Если понравилось, то забирайте себе, – услужливо сказал хозяин, видя восторженность гостя и очень довольный этим. – Я же для вас приберег.

– Великая тебе благодарность, дорогой, – только и сумел вымолвить в ответ У Хуан...

От обилия родных, из самого детства, казалось, пришедших запахов кружилась голова, на глазах выступили невольные слезы. Чтобы не обидеть хозяина, он немного поел и заспешил к себе, с некоторой неожиданной строгостью сказав у выхода:

– Сохранить всё отложенное, ничего не выбрасывать. Я сам все проверю.

У Хуан пошел в свой сурт, поставленный за несколько дней специально для него.

Лю Сюа знал привычки проверяющего и всегда после его отъезда убирал сурт генерала на склад, никого и никогда в него не заселяя. Поэтому в нём, обтянутом изнутри белым войлоком, было светло и сухо, без каких-либо посторонних запахов. А тепло потому, что снаружи он покрыт темным войлоком, впитывающим солнечные лучи.

У Хуан пробудет здесь всего полмесяца: осмотрит склады, отметит наличествующее и недостающее, сделает заказы для поставщиков-умельцев из местных родов. Обычно они поставляют шкуры и войлок, кожаные и волосяные веревки, одежду, седла и, конечно же, вооружение. А ещё составит заказ на военные трофеи для тех, кто отправится в китайские походы. От них будут ждать неразмокаемых канатов, разного рода тканей и походных вещей, а также котлов и всякой хозяйственной утвари, такой удобной и дельной в исполнении китайцев.

Пользуясь тем, что наконец-то остался один, У Хуан лег на мягкую постель и вполголоса затянул родную китайскую песню. «Наконец-то» потому, что ратный человек почти не бывает в одиночестве, а при чужих про своё родное не запоёшь. Впрочем, несмотря на китайские черты, никто и не видел в нем чужака. Молодые и вовсе принимали его за своего и очень удивлялись, узнав о родословной старого воина.

И опять он погрузился в размышления о предстоящей отставке и грядущих изменениях в жизни. Всё-таки что он будет делать вне армии, полностью предоставленный самому себе? Никак он не может этого себе даже представить, хотя вроде бы порой и мечталось об этом.

Ну да ладно, совсем уже скоро, после наведения порядка на складах, он уедет к Синим озерам. А там уже настоящая весна начнется, и он вдоволь нагуляется, позабудется

охотой. Туда же приедет жена с многими слугами, начнётся привычная и долгожданная заготовка припасов, вольная жизнь среди почти нетронутой здесь природы .

А потом что? Потом – неизвестность...

От этого слова - «неизвестность» - сразу становилось неудобно, и он вдруг почувствовал себя словно... да, будто выпавшим из гнезда птенцом. В армии у него была своя ниша, свое гнездо, где он был важен и нужен для общего дела. А теперь он станет никому не нужным...

Вообще-то, в хуннской армии мало кто доживает до отставки, а потому таким, как ни странно, не завидуют, а скорее сочувствуют. Лучше умереть в бою, чем в постели. Или же где-то в одиночестве, чтобы никто не видел. Для китайца же думать так – дико. Но вот китайские хунны, даже не совсем чистокровные, цепко держатся за свои исконные обычаи, и давным-давно в их оседлой среде существует обычай, когда престарелые хунны уходят из дома в горы или степь, чтобы не отягощать близких и умереть где-нибудь в одиночестве... Китайцев это страшно изумляет. Они никак не могут понять, почему вполне благополучный человек, окруженный множеством детей и внуков, может закончить жизнь где-то вне дома, словно какой-то дикарь или зверь...

Впрочем, для китайцев это разве что лишний довод, подтверждающий непоправимую дикость хуннов, их нечеловеческую, почти животную сущность и чрезмерную жестокость даже к самим себе.

11. Родные запахи

Ночью У Хуану снилась далёкая родина, Китай. Во сне за богато накрытым столом он много ел и никак не мог насытиться. Были за столом такие блюда и яства, про существование которых он уже давно забыл, не помнил ни вкуса, ни запаха их – и тут, во сне, неожиданно вспомнил, это надо же!..

Утром, проснувшись, долго удивлялся и не мог понять, что же такое вдруг навяло ему этот странный сон. Ведь столько лет прошло, и за все это время он уже думать не думал об этих блюдах, редчайших даже для китайской праздничной кухни. Они были атрибутами только новогодних застолий, и то потому, что праздники эти длились почти полмесяца.

Снаружи светило яркое весеннее солнце. От яркого снежного блеска было больно глазам. И когда У Хуан вернулся в сурт со свежего воздуха, то не мог не уловить приятный запах вчерашних приправ и понял, откуда пришёл такой поистине китайский сон.

Вот, оказывается, что значит сила даже простых, но родных, с раннего детства знакомых запахов. Вообще, жизнь так многогранна, что в ней каждый орган чувств – как своеобразное окно в мир. Окажись ты лишенным любого из них – зрения, слуха или обоняния, – и какой ограниченной, неполноценной предстанет перед тобой жизнь.

Но удивительно порой, что тот, кто более чем полноценен и живет без малейшего недостатка или ущемления, почему-то не сияет полнотой счастья и почти всегда чем-нибудь да недоволен, всё чего-то ему недостаёт... А тот, кто лишен самого главного – света, созерцания, возможности видеть солнечный мир – как умница Акол, никак не считает этот мир и свою жизнь в нём ущербными. И даже наоборот ощущает её, жизнь, куда полнее и тоньше, чем многие из нас, вроде бы полноценных... И неужели он счастливее нас, постоянно недовольных и собой, и людским окружением, и даже тем, как устроен божий свет?!

А так ведь оно и есть... У Хуан представил себе ясные, лучистые глаза Акола, которые с такой чистотой и таким бесстрашием смотрят на мир, пусть и невидимый, недоступный им, но прозревающие иное, высшее. Всегда и всем бытием своим довольный, он с неустанным интересом, с удивлением и восхищением воспринимает

любую весть из этих, всегда для него покрытых мраком, далей. И видит, похоже, куда дальше нас.

Новый день У Хуан начал с осмотра дальних складов. На этот раз наличием и сохранностью запасов он остался доволен: склады были сухими и чистыми. Но накопилось много товаров, которые своевременно не вывезли далекие северо-восточные роды, объем их ежегодной доли на хранении оказался чрезмерным. Но тут их вина незначительна, да и сама природа вносит свои поправки: вывезти товары со складов можно только зимними обозами, а дорога дальняя и трудная, вот и не успели на этот раз. Но кое-что они еще успеют. Скоро должен прибыть очередной обоз с сушеным мясом и рыбой, шкурами. Обрато и увезут они значительную часть своей доли из старых запасов.

Во все времена хуннские саархааны большое внимание уделяли своим дальним, окраинным улусам, по сути – о границах своих. Неустанно заботясь о них, они неукоснительно требовали, чтобы после каждого похода им была выделяема их твердая доля. Это, несомненно, очень укрепляло внутренние связи, ибо пребывать в составе такого государстве было явно выгодно. И для центра выгодно содержать в достатке, в довольстве охранителей дальних рубежей – это укрепляет их, а значит и само государство.

К концу дня он без спешки проверил и весь складской хлам – всё, что после уборки сочли ненужным и собирались выбросить. И среди этого, забракованного даже уборщиками, У Хуану удалось обнаружить ещё несколько мешочков с сухим укропом и имбирём, а также три упаковки сухофруктов, ставших подарками отставному воину. Очень похоже на то, что сюда вывезли остатки захваченного у китайцев армейского обоза, так и не удосужившись досконально его разобрать, и вот ему повезло, всё это богатство, здесь не оценённое, дождалось его приезда!..

Вернувшись к себе, У Хуан первым делом взялся готовить на очаге взвар из сухофруктов, и вскоре сурт наполнился ароматом плодов, столь непривычных в это время, а уж тем более в этом месте.

Хунны, как всякий кочевой народ, во многих житейских вопросах просты и неприхотливы. Со стороны эта их простота и непритязательность иной раз кажется грубостью и примитивностью в поступках, толстокожестью в вопросах чувственности и того, что называют духовностью. Даже по весне особо не любят цветы или красотами видов местности, считая их просто обычной частью разнообразия и многоцветия природы. Но если попробовать разобраться в их чувствах глубже, то весьма много интересного можно найти в этом народе, хотя это и не просто.

Китайцы любят гармоничные, а подчас и редчайшие сочетания цветов, пытаются на своих картинах запечатлеть игру света, причудливые очертания горных массивов и деревьев на скалах. Этим они стараются уловить прекрасные мгновения меняющегося мира в моменты наибольшей, по их мнению, воплощённости красоты. И великим художникам иногда удавалось изобразить это на холсте или на шелке, а иногда и на куске дерева, того же бамбука. А затем понравившаяся картина тысячекратно копировалась многими умельцами и расходилась по всему миру, становясь не только банальностью, но и эталонами красоты.

Отличает китайцев от многих народов ещё и умение подмечать, ценить очень тонкие моменты бытия, точнейшие детали или оттенки цвета, которые те могут проглядеть, а может и сознательно не заметить, пренебречь ими. С их врожденной дотошностью и скрупулезностью им удается проникать в глубинную суть самых загадочных явлений природы, изобразить или выразить в слове то, что кажется невыразимым тем же вечно спешащим, перемещающимся, а тем паче постоянно воюющим хуннам.

А они совсем не такие, как навечно осёдлые, крепче любого аркана привязанные к клочку земли китайцы. Их характер сложился в кочевых условиях, когда человек днем и

ночью всегда должен быть готов к опасности. При любых обстоятельствах хунн не расстается со своим оружием, или же оно должно быть где-то рядом, под рукой, чтобы в случае чего успеть отразить нападение – чаще всего со стороны кочевника другого, враждебного... Поэтому хунны не только в действиях резки, но и в мыслях быстры, а в критические моменты мгновенно принимают решения и действуют.

Именно непрекращающаяся многолетняя опасность и оттачивала их четкое, ясное и быстрое мышление. Им ведь и правда некогда долго размышлять и глубоко проникать в суть вещей и явлений. Для кочевника, который всегда в движении, в пути – за сложностями принятия решения скрывается опасность ошибиться, а принять неправильное решение – это чаще всего означает потерпеть поражение. Выпущенную невзначай стрелу не вернешь, отрубленную сгоряча голову обратно не приставишь, поэтому они опасаются неоднозначных и сложных решений, считая, что они от лукавого, от темных вражьих сил.

За долгие годы службы в хуннской армии У Хуан проникся к этому народу большим уважением, хотя он был полной противоположностью народа, к которому принадлежал и с которым прожил первую половину жизни он сам. Жить среди них было, в сущности, очень просто и с одним условием: сам будь прям и честен во всем, ни в чем не допускай фальши, не теряй чести. Великим обретением для У Хуана стало это ощущение уверенности в себе, дорогого это стоит. Когда человек в согласии с самим собой, с окружением, со службой, то ему и его семье ничего не угрожает. Все зависит здесь, как оказалось, от самого человека. Не делай зла и подлости, не обманывай – и тебе нечего опасаться, а потому у хуннов и служить будет вольготно, и жить вольно.

В Китае всё основано на запугиваниях карой, на угрозах наказания за малейшую провинность. Существует огромное количество законов, которые не защищают, а заковывают всякого, кто им послушен. Там никто не может поручиться, что его по этим же законам не оболгут, не подставят и не осудят, такие они изощрённые и равнодушные к тебе, живому человеку. А здесь уже едва ли не полжизни У Хуану живется очень просто, ибо закон чести не обязательно должен быть запечатлён на бумаге, чтобы по нему жить, и потому он уверен, что с ним здесь ничего «законно-китайского» не случится.

Судят и здесь, как в Китае, согласно сохранившимся издревле традициям, но приговаривают к смертной казни только за тяжкие преступления. Самое ужасное, что при подобном преступлении тень падает на весь род провинившегося, а это очень тяжело воспринимается. О таком унижении и внутри, и вне родовых связей здесь десятилетиями помнят. В условиях, когда отдельные роды постоянно соперничают между собой за доброе имя, это отзывается на репутации крайне болезненно. И личным долгом для каждого является укрепление уважения к своему роду примерным служением или даже подвигом, стремление не навести на него тень недоверия, не породить осуждение, не заслужить укор нерадивостью. И этот страх охлаждает самые горячие головы, держит их в достаточно жестких рамках приличия и ответственности.

Вообще же в хуннской правовой среде очень мало тяжёлых судебных дел. Чаще всего суд заканчивается вынесением осуждения неподобающего поведения, более или менее строгого порицания.

Удивительно, но оказалось, что у хуннов почти совсем не бывает частого среди иных народов такого преступления как воровства. Видимо, потому, что у них вся собственность не личная, а как бы общественная, ею при необходимости может по своему усмотрению пользоваться любой обитатель этого рода – с согласия, конечно, его верхушки.

Что и говорить, родные запахи пробудили в памяти множество картин прошлой, не то что забытой, а как бы вытесненной из сегодняшнего дня жизни. Надо же! Оказывается, ничего не ушло насовсем, просто отошло в тень ежедневных, год за годом, забот. И вот, вслед за родным ароматом, многое высветилось вновь, выплыло из забвения,

предстало перед мысленным взором как живое... И от этих оживших картин душу ему объяло двоякое, противоречивое чувство – вызвавшая слёзы умиления память о родном, навсегда утерянном, и горечь и тоска этой утраты...

Да, не раз случались с ним беды, круто изменявшие его жизнь. Но человек – существо живучее. И вот он выжил и даже зажил здесь иной, но не менее полноценной жизнью: женился, родились и выросли дети, верой и правдой выслужил генеральское звание и заканчивает службу помощником сегуна-главнокомандующего. То есть здесь, в плену, он сделал такую удивительную карьеру, о какой в Китае он и мечтать не посмел бы. Да ещё, вдобавок, волею случая став, в лице прежнего Лу Туана, национальным героем, правда – «посмертно»... Но главное-то, что от этой «посмертной» славы выиграла осиротевшая тамошняя семья его, на которую вместо нищеты и невзгод посыпались всевозможные блага. Доходят известия, что сыновья его тоже делают быструю карьеру и, судя по всему, скоро станут большими людьми, чиновниками высокого ранга.

С каждым днем солнечные лучи становились все ярче, пригревали всё больше, и в снегах высокогорья появились первые проталины. У Хуан завершил осмотр складов и на основании ревизии составил список недостающего имущества и материалов для пополнения, особенно важнейших, на военные нужды. Срочно требовалось пополнение запасов походного снаряжения, заготовок и материалов для производства оружия, а также шкур, кожи и тканей для изготовления одежды.

С давних времен на случай непредвиденной опасности создавались хуннами крупные запасы продовольствия, всяких продуктов, всё было предпринято, чтобы они могли храниться долго, в том числе даже рис и просо. Хотя употребление этого вида зерновых в пищу они в обычное время особо не жаловали, но в трудные и голодные времена зерновые не раз спасали народ, в крайней нужде не сильно-то покапризничаешь...

Список, составленный У Хуаном на бамбуковых досочках, служащие склада скопировали на шелке четыре раза. Удивило его, что трое сведущих в хуннской и китайской грамоте писали весьма-таки неважно, порой с ошибками и пропусками, которые после них приходилось выверять и править, а вот четвертый – по сравнению с ними почти неграмотный – копировал настолько точно, что после него совсем не требовалось поправлять; вот что значит простая прилежность...

Первая копия предназначена для саархаана, вторая – для нового теперь уже сегуна, а третья для хозяйственников и служб обеспечения армии. Свои собственные бамбуковые списки У Хуан всегда оставлял при складе, здесь они будут сохраннее. Ну, а на следующий год он приедет и сверит фактическое наличие с тем, что требуется...

И тут он поймал себя, как говорится, на слове: какой ещё «следующий год», очнись! Ты уже, считай, получил отставку, и на твоё место назначат другого, который уже сам, по своему усмотрению будет тут распоряжаться. И пригласят ли тебя, в их глазах – старого отставного китайца, сюда помочь в чём-либо или нет, о том у тебя не спросят...

Ох уж эти армейские, командные перемены, всегда они несут с собой некий риск... Когда-то еще эта новая команда наверху научится как следует управлять армией, а война-то ведь ждать не будет... Хорошо ещё, что обновление кадрового состава её идёт постепенно, не разом, чтобы успеть передать новому поколению весь нажитый боевой опыт, все тонкости управления этим сложнейшим механизмом, в котором всё надо учитывать. Ведь недостаток, скажем, даже одного каната может застопорить переправу через реку и будет стоить сотни, а то и тысячи жизней. Да, обновление руководства – это хорошо, конечно, но овладение опытом – дело не быстрое. Надо пройти с войсками много тысяч кес по бескрайним степям, по раскаленным пескам, покорить не одну горную кручу и речную стремнину, чтобы множество самых вроде бы обычных бытовых и военных мелочей смогли сложиться в удачный поход.

12. Память короткая и длинная

Смена поколений – это как раз тот важный период, которого особенно опасаются китайцы. Они люди долгой памяти, многое помнят из прошлых времен. Большинство конфликтов, войн и прочих несчастий происходят, по их мнению, именно в годы перемен.

У хуннов же, если можно так выразиться, память короткая, по ситуации. Они до мозга костей кочевой и ратный народ, это и сформировало их характер, заставляющий никогда не расслабляться и всегда быть готовым к защите или нападению. Всё их внимание направлено на обнаружение непосредственной опасности, в ближайшей перспективе - на сегодня или, в крайнем случае, на завтра. А из всего пережитого им важно только то, что имеет значение сегодня. По их мнению, прошлое должно отойти в забвение, не мешать и не влиять на настоящую жизнь, не отвлекать от неё.

И если китайцы постоянно поминают усопших родителей и вообще предков, то у хуннов это строжайше запрещено, ибо считается грехом. Они никогда не возвращаются к навсегда утраченному, к тому, что называется «старыми могилами». Нет, удивительный всё же народ... При этом их родственные чувства распространяются на весь многочисленный, многоступенчатый род, где, скажем, троюродный брат так же близок, как родной, и за каждого из рода ты обязан отдать свою жизнь и отвечать за него не только материально, но, главное, морально. Проступок каждого родича поэтому воспринимается как собственный, на этом жёстком обруче и держится всё хуннское общество.

У Хуан, живя столько лет среди них, немало таких диковинных обычаев узнал и усвоил, но еще многое до сих пор не было ему до конца понятно.

Например, как может семья состоять из одного мужа и двух, трех, а иногда и четырех жен? Притом, все они прекрасно уживаются друг с дружкой. А все дети, от кого бы они ни родились, признают верховенство первой, то есть старшей матери, мнение и повеления которой никем и никогда не оспаривается. При этом решение о следующей женитьбе мужа принимается старшей женой совместно с другими матерями. И очень часто – вопреки желанию мужа, который почти всегда против очередной своей женитьбы...

С такой возможностью ему трудно, даже и невозможно внутренне согласиться, коснись это его. Но когда у тебя нет выбора, если по большому счету ты – человек подневольный, то что тут сделаешь?.. И он, честно говоря, очень опасается, что однажды жена заявит ему о необходимости еще одной женитьбы...

Однако, от себя, от судьбы своей не убежишь, и он не может даже и думать о том, чтобы вернуться в Китай или уехать в любое другое государство, потому что его везде могут опознать и разоблачить. А уж этого допускать никак нельзя, на его китайском имени держится героическая легенда о Лу Туане и всё благополучие семьи, многочисленных родственников.

А здесь он обрел новую семью, верных друзей и выдающихся учеников. Познал, что значит истинное служение и, тем самым, обрёл нового себя. С некоторым стыдом он признавался себе, что вроде бы в родной китайской армии такого ощущения у него не было. В Китае ты, если даже военачальник, всё равно - «никто». Ибо там над каждым висит меч беспощадного и часто несправедного, незаслуженного наказания - главным образом, для устрашения других. Эту тамошнюю никчемность личности он осознал только здесь, где настолько ценят его личную роль в армии, что несколько генералов, как ему недавно стало известно, драматически восприняли его отставку и сразу выразили резкий протест сегуну, сочтя его, старого китайца, незаменимым в армии. И хорошо ещё, что протест возмущенных генералов был направлен сегуну Турару, который и сам собирался уйти из армии, о чем сослуживцы пока не подозревали. Но если бы протест

попал к саархаану, то ведь тот мог и прислушаться к нему, мнение рядовых линейных генералов, на которых опирается вся мощь армии, дорогого стоит. Они – главные носители, основные организаторы настоящей хуннской силы, которая пока не имеет равных соперников. И тогда У Хуана могли бы и не отпустить...

Да, его ценят и уважают, но это только «сейчас». Возможно, уважение к нему сохранится и «завтра», но с уверенностью можно сказать, что только на короткий срок. А что будет потом – неизвестно. Превосходство, основанное на силе, на авторитете – фактор переменчивый, непостоянно такое счастье. Допустим, сегодня ты в силе, но это никак не гарантирует твоё лидерство завтра.

Вообще, сама сила – величина изменчивая, основанная на многих и подчас рискованных факторах, удерживать нужное сочетание которых стоит немало труда. Проглядишь, упустишь один из них – и твоя сила может однажды просочиться сквозь пальцы, как вода или песок, и нет ее...

Сегодня хуннская мощь, кстати, намного превосходит силу основной китайской армии, несмотря на многократное численное превосходство последней. Причин этому много, конечно, но есть и первейшие. Это, несомненно, потому, что она основывается не только на отличном вооружении и на коннице, но и на прекрасно отработанной тактике их применения. Китайская же армия почти полностью пешая, кроме конных подразделений китайских хуннов, из которых собраны пограничные и некоторые отборные войска. Но их так мало, а охраняемая граница столь длинна, что эта сила развеивается в таком пространстве, как пыльца цветов на ветру.

Судьбоносным же различием этих двух армий остается принцип их формирования. Многомиллионная китайская армия издревле в основном составляется из отбывающих наказание преступников. Недаром народ их обзывает «молодыми негодьями». Когда они попадают в единый армейский котел, то получается достаточно гремящая смесь. Управлять этими людьми и удерживать их можно только суровыми дисциплинарными наказаниями, но и это не всегда получается. Своеволие, мародерство, жестокое обращение со своими же мирными жителями – всё это у них в порядке вещей. Поэтому в народе вокруг своей вроде бы армии всегда образуется некая пустота, отчуждение: все, кто может, стараются держаться подальше или даже бежать от такой опасной силы, от таких «защитников»...

Вспоминая своих соплеменников-китайцев, он горько вздохнул. Когда-то эти подчас грубые и жестокие солдаты были неплохими людьми, просто неблагоприятные обстоятельства и ставшее чуть ли не традицией в армии чрезмерно жестокое обращение с ними сделали их такими. Китайцы – каждый в отдельности – вполне приличные, тихие и часто даже робкие люди. Но, вырванные из мирной жизни своими проступками и неумолимыми законами, вынуждаемые как-то выжить в армейской стае, они порой едва ли не теряют свою человеческую сущность, лицо. И для этих отверженных обществом людей, обладающих опытом насилия, преодоления множества жизненных несчастий и самых изощренных военных испытаний, последним и единственным сдерживающим доводом, какой может их остановить, является только угроза наказания семьи.

Перевод с якутского В. Крупина.